

ПРАВО ПЕРВОЙ НОЧИ
СВОБОДА ЗА ЛЮБОВЬ

Мария Геррер

Мария Геррер

**Право первой ночи.
Свобода за любовь**

«Автор»

2022

Геррер М.

Право первой ночи. Свобода за любовь / М. Геррер — «Автор», 2022

Я не спала. Лежала на скомканных шелковых простынях и смотрела в потолок. В спальне тихо. Я словно умерла. Никаких чувств. Нет ни злости, ни обиды. Это придет позже. А пока в душе пустота и холод. Он лежал рядом. Сильный, безумно сексуальный, опасный. Тот, кто смог разбудить во мне потаенные желания. Темные, жгучие и такие порочные. Я буду ненавидеть себя за это всю жизнь. Меня отдал ему муж в первую брачную ночь. Отдал как вещь, как рабыню. Потому что так захотел всемогущий Дмитрий Рудницкий.

© Геррер М., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1. Лидия	5
Глава 2. Лидия	9
Глава 3. Лидия	13
Глава 4. Дмитрий	17
Глава 5. Дмитрий	20
Глава 6. Лидия	24
Глава 7. Дмитрий	28
Глава 8. Лидия	32
Глава 9. Лидия	36
Глава 10. Дмитрий	40
Глава 11. Лидия	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Мария Геррер

Право первой ночи. Свобода за любовь

Глава 1. Лидия

Я не спала. Лежала на скомканных шелковых простынях и смотрела в потолок. В спальне тихо. Я словно умерла. Никаких чувств. Нет ни злости, ни обиды. Это придет позже. А пока в душе пустота и холод.

Он лежал рядом. Сильный, безумно сексуальный, опасный. Тот, кто смог разбудить во мне потаенные желания. Темные, жгучие и такие порочные. Я буду ненавидеть себя за это всю жизнь.

Меня отдал ему муж в первую брачную ночь. Отдал как вещь, как рабыню. Потому что так захотел всемогущий Дмитрий Рудницкий.

Села на постели. Рудницкий пошевелился и положил руку мне на талию. Я замерла и боялась дышать.

Большая роскошная спальня. С высокого потолка свешивается огромная хрустальная люстра. Острые грани вспыхивают в полумраке ледяными звездами. Окна до пола выходят в сад. От легкого ветерка шумит листва, громко щебечут птицы.

Давно рассвело, лучи солнца пробиваются через неплотно закрытые шторы. Широкая кровать с шелковыми простынями цвета вина. Или крови...

На полу белым пятном светится мое свадебное платье. Фата небрежно брошена на спинку золоченого кресла. Кошмарная ночь. Самая кошмарная в моей жизни. Ночь страсти и порока.

Рудницкий дышал глубоко и ровно. Я попыталась выскользнуть из постели.

– Ты куда? – он открыл глаза.

– Я хочу пить, – прошептала в ответ.

– Хорошо. Только не пытайся сбежать, не выйдет.

– Отпусти меня. Пожалуйста... – я едва не расплакалась.

– Позже. А пока отдыхай.

* * *

Когда-то у нас была крепкая семья. Я – единственный ребенок, на которого родители возлагали большие надежды. Отец мечтал, что я пойду по его стопам и продолжу династию медиков. В плане профессии выбора мне не оставили – только врач, и только с блестящей карьерой.

Мама – педиатр, отец – кардиолог, профессор. Оба отличные специалисты, известные в городе. Но я разочаровала отца – моя карьера не задалась с самого начала. Я стала обычным терапевтом. Отец еще надеялся, что все наладится. Но я уже знала, что ошиблась с выбором профессии. Быть хорошим врачом – редкий талант. А у меня его нет.

Не хотела расстраивать родителей и продолжала работать в частной клинике, куда меня взяли по рекомендации отца. Отличное место с высокой зарплатой и возможностью карьерного роста. С первых дней приложила все усилия, чтобы хорошо зарекомендовать себя. И мне это удалось. Главврач был доволен моей работой, часто отмечал на планерках и не скупился на похвалы перед коллегами.

Сколько себя помню, жила с оглядкой на мнение родителей. Так повелось в нашей семье. Мама возвела отца в ранг бога. Он был всегда и во всем прав, его решения не оспаривались. Подруг у меня было немного, и все как одна – простушки, которых не стоит приглашать в

приличный дом. С родней родители практически не общались – недалекие люди, на которых жаль тратить драгоценное время.

Отец постоянно писал какие-то научные труды, пропадал допоздна в лаборатории, ездил на конференции и симпозиумы. Мама помимо работы обеспечивала мужу комфортную жизнь.

Непререкаемый авторитет родителей начал тяготить меня в институте. Однако я с детства привыкла к нашему семейному укладу и не бунтовала даже в подростковом возрасте. Тихая разумная девушка, с отличными отметками и примерным поведением. Как оказалось, это не всегда хорошо.

Но жизнь непредсказуема и порой очень жестока. Родители погибли в автокатастрофе три года назад. Я не сразу оправилась от страшного удара. Очень любила маму и отца, а теперь оказалась одна.

Из близкой родни осталась только бабушка по линии отца. Мы общались редко. Отец осуждал, что его мать вышла второй раз замуж и много лет назад уехала в Германию. Бабушка предложила мне приехать в Бремен. Но я почти не знала ее и отказалась от любезного предложения. Бабушка вздохнула с облегчением. На этом наше общение завершилось.

У меня началась самостоятельная жизнь. И, как оказалось, я вполне могу самостоятельно принимать решения. Хотя постоянно думала, а одобрил бы это отец, что сказала бы мама? Отвыкнуть от контроля очень непросто. Жить без оглядки на мнение родителей я все еще не могла.

И не могла до конца осознать, что теперь только я в ответе за свою судьбу. Мне не к кому пойти за советом, не у кого искать поддержку. Зато я могу сама принимать решения, хотя это и непросто.

На дне рождения лучшей подруги Кристины я познакомилась с Яном Кудрявцевым. Высокий блондин тридцати шести лет с пронзительными синими глазами, модной бородкой и идеальной стрижкой. Харизматичный, ухоженный, лощеный. Он сыпал остроумиями, читал стихи и блистал эрудицией. Я не могла отвести от Яна восхищенного взгляда.

Кудрявцев работал редактором в местном гламурном журнале. Попутно вел рубрику современного искусства в одном из столичных периодических изданий. Ян не скрывал, что его цель – покорить Москву.

Между нами сразу пробежала искра. Ян весь вечер не отходил от меня ни на шаг. Я влюбилась по уши и забыла о благоразумии, которому меня учила мама.

Кудрявцев недолго добивался моей благосклонности – роскошные букеты и милые подарки сделали свое дело. Я не устояла перед таким вниманием. Наш роман развивался стремительно. Я летала на крыльях счастья. Ян баловал меня, окружил заботой и вниманием.

При любом удобном случае мы путешествовали. Ездили на машине к морю, посетили Питер, побывали в Турции. На выходные уезжали за город. Мы практически не расставались.

Кристина знала Яна постольку-поскольку – ее брат дружил с Кудрявцевым.

– Это счастливый случай, что ты пригласила Яна на свой день рождения, – призналась я подруге, когда она как-то забежала ко мне вечером на чашечку чая.

– Рада, что у вас все удачно сложилось. Кудрявцев любит любые тусовки, – усмехнулась она. – Ему нравится быть в центре внимания.

– Ты считаешь, это плохо? – удивилась я.

– Нет, если тебя это не тяготит. Он публичный человек.

– Я не ревнива.

– Завидую, – рассмеялась Кристина.

– И Ян везде берет меня с собой.

– Сладкая парочка! Рада за вас.

– До сих пор не верю своему счастью, – призналась я.

Ян любил держать все под неусыпным контролем. Он всегда знал, что правильно, а что нет, что стоит делать, а чего необходимо избегать. Подобным образом вели себя мои родители. Они всегда знали, что для меня лучше. Итак, я снова нашла надежную опору в жизни.

Единственное, что меня напрягало в наших отношениях – Ян не спешил знакомить меня со своей семьей. Я знала, что Ян – единственный ребенок. Папа – завкафедрой истории в Университете, в ближайшем будущем ему прочат место ректора. Мама – домохозяйка, никогда не работала, всю себя повестила семье. Ян не слишком распространялся о своих родителях. Но разве это так важно?

Через полтора года после нашего знакомства Ян сделал мне предложение. Я не верила своему счастью. У меня будет семья, любящий муж, дети. Как это прекрасно!

Ян сообщил, что настала пора представить меня его родителям. Я разволновалась. А вдруг они не одобряют выбор сына, вдруг я им совсем не понравлюсь? Хотя почему? Я успешный врач, работаю в отличной клинике. Мне тридцать, а меня ценят и уважают как специалиста. Я из хорошей семьи. Так почему я могу им не понравиться?

Ян заметил мое смятение.

– Не переживай, все будет отлично.

Воскресным апрельским утром мы приехали в загородный дом Кудрявцевых. Двухэтажный коттедж под черепичной крышей прятался в зарослях сирене. Ее ветки усыпали набухшие зеленые почки.

Мама Яна выглядела просто потрясающе для ее лет. Худошавая, подтянутая, с идеальной короткой стрижкой светлых волос. Настоящая леди – холодная, снисходительно надменная, с вздернутыми вверх тонкими темными бровями.

Она окинула меня цепким взглядом с головы до ног и улыбнулась ледяной светской улыбкой. У меня похолодели ладони – похоже, маме Яна я не слишком понравилась. Ее муж безразлично скользнул по мне взглядом и дежурно улыбнулся:

– Рад знакомству. Я – Петр Федорович.

– Меня зовут Лида. Я тоже очень рада, – пролепетала в ответ.

Отец Яна был важен, представительен и исполнен достоинства. Полный высокий мужчина с роскошной седой шевелюрой и шкиперской бородкой. Настоящий ученый, светило науки.

Ян покровительственно обнял меня за плечи.

– Лида, будь как дома, не стесняйся, – я бы предпочла услышать эти слова из уст его матери. – Мою маму зовут Ксения Владимировна.

– Мне очень приятно, – я попыталась приободриться, но это получилось плохо.

Ксения Владимировна сухо кивнула в ответ и ничего не ответила мне.

За обедом над столом висела напряженная тишина. Обменивались дежурными фразами. Мама Яна продолжала разглядывать меня. Под ее внимательным взглядом мне становилось холодно и неудобно.

Общий разговор не клеился. Я вздохнула с облегчением, когда мы поднялись из-за стола.

– Я покажу тебе наш сад, – предложил Ян.

– Лучше это сделаю я, – остановила сына Ксения Владимировна.

Мне было бы приятнее гулять с Яном, но выбора мне не оставили. Я последовала за хозяйкой дома.

– Очень люблю тюльпаны, – призналась мама Яна. – Я выписываю их из Голландии.

– Изящные цветы. Мне еще нравятся розы, – поспешила поддержать разговор.

– Розы нравятся всем девушкам, – как-то неопределенно улыбнулась Ксения Владимировна. – Особенно когда получают их в подарок от мужчин. Красоту тюльпана могут оценить только искушенные ценители прекрасного.

Крепкие бутоны уже начали набирать цвет и стояли вдоль дорожки, мощеной диким камнем как солдаты на параде.

– Я уважаю выбор сына, – перешла к делу Кения Владимировна. – Надеюсь, ты сможешь вписаться в нашу семью.

– Я тоже очень на это надеюсь, – мне стало совсем не по себе.

– Жаль, что Ян у тебя не первый мужчина.

Я опешила от неожиданности и замерла на тропинке.

– Удивлена, что я знаю об этом? Сын ничего от меня не скрывает.

– Но мне тридцать... – вполне естественно, что в таком возрасте я уже не девственница.

– Разумеется, я тебя понимаю. Ты прыгнула в последний вагон уходящего поезда. Но и ты пойми меня. Мой единственный ребенок должен быть счастлив в браке. Сумеешь ли ты дать ему все, в чем он нуждается? Ты уверена в этом?

– Я люблю Яна, он любит меня. У нас будет крепкая и счастливая семья.

– Буду с тобой откровенна, – голос Ксении Владимировны звучал холодно и отчужденно. – Я бы предпочла более молодую невестку. Все-таки женщине надо выходить замуж до двадцати пяти, – слова Ксении Владимировны неприятно царапнули мое самолюбие. Но родители научили меня быть сдержанной и уважать мнение других людей.

– Однако сейчас все поменялось, – вздохнула она. – И, повторю, я уважаю выбор сына. Тебе придется подстроиться под привычки Яна. Он человек творческий, импульсивный. Ян сильно устает на работе и дома ему нужен отдых и уют. Тебе надо будет окружить его заботой и вниманием. А не только сексом, – усмехнулась мама Яна.

– Простите, но мы с Яном встречаемся уже полтора года... – не выдержала я. Мой голос задрожал от волнения и возмущения.

Сейчас я ненавидела свою скромность. Кому она нужна в наше время? От нее одни комплексы. Не нагруби, не возражай, будь терпелива к чужим недостаткам, не забывай – у тебя их тоже немало. Зачем только родители вдолбили все это в мою голову?

Но мой тон не смутил маму Яна. Похоже, ее вообще трудно смутить чем бы то ни было.

– Спать с мужчиной и знать его – далеко не одно и то же, – усмехнулась Ксения Владимировна.

Глава 2. Лидия

От общения с мамой Яна у меня осталось тягостное впечатление. Я ей однозначно не понравилась.

– Не переживай. Моя мама прямолинейная, говорит то, что думает. И это хорошо, поверь мне. Со временем вы найдете общий язык, даже не сомневаюсь.

– Боюсь, ждать придется долго, – невесело усмехнулась я.

– Выше нос! Когда родители узнают тебя поближе все изменится. Но тебе придется под них подстроиться. Так что наберись терпения.

– Это я уже поняла, – тоскливо кивнула в ответ. – Я очень постараюсь.

– Вот и умница. Главное, что я тебя люблю. Что же еще тебе надо? – Ян чмокнул меня в щеку.

– Твоей маме я совсем не понравилась...

– Она тебе это сказала? Нет. Не могла она тебе это сказать, я ее знаю. Она человек деликатный.

Да уж, сама деликатность!

– Нет, не сказала, – призналась я.

– Вот видишь. Так с чего ты взяла, что не понравилась ей? И ты не за мою маму замуж выходишь, а за меня. Мои родители оценят и полюбят тебя, когда узнают поближе. Таких девушек сейчас редко встретишь. Ты нежная, удивительно терпеливая, благоразумная. Именно это я и ценю в тебе – терпение и кротость. Просто ангел во плоти!

Какое странное слово «кротость». Старое, забытое, неприятное. Наводит на мысль о крепостном праве. Кроткая крестьянка, кроткая служанка, кроткая жена...

Если бы только Ян знал, как я не хочу быть терпеливой и благоразумной. А уж тем более кроткой. Порой мне казалось, что я только сейчас начинаю становиться сама собой и освобождаться от условностей, привитых мне с детства.

– Давай лучше поговорим о предстоящей свадьбе, – отвлек меня от невеселых размышлений Ян. – Куда нам отправиться на медовый месяц? Как тебе Мальта? Дивный остров, бывал там не раз. Или можно на Кипр?

Мы принялись обсуждать предстоящее торжество. Я отвлеклась от неприятных мыслей о Ксении Владимировне. Тем более она призналась, что выбор сына для нее важен.

Решили назначить свадьбу на конец июня. За три месяца сможем все подготовить как следует. Ян планировал организовать потрясающее торжество, чтобы оно запомнилось нам на всю жизнь. Приятные хлопоты поглотили меня целиком.

Старалась не думать о родителях Яна. Со временем мы притремся друг к другу. Все утрясется и будет как надо. Ян тоже в этом уверен. Он подержит меня. Тем более что жить мы будем отдельно и видеться не каждый день.

Скоро Ян предложил мне переехать к нему в квартиру не дожидаясь свадьбы. Кому нужна это формальность? Я с радостью согласилась. И пусть его мама думает обо мне что хочет. На всех не угодишь. Пора перестать оглядываться на чужое мнение. Даже на мнение будущих родственников. Мы с Яном строим свою жизнь. И делаем это так, как считаем нужным.

Квартира у Яна небольшая, зато в центре. Это удобно и мне, и ему. Мою квартиру пока сдадим квартирантам. Деньги перед свадьбой лишними не будут, на счету каждая копейка.

После свадьбы мы планировали жить в его загородном доме. К счастью, он не слишком близко от дома его родителей.

Ян Кудрявцев не только редактор журнала, но и востребованный корреспондент. Его дела идут в гору, и он этим очень гордится. Хорошо зарабатывает и тратит деньги со вкусом. Имеет на это полное право.

Для успешного мужчины очень важен имидж. Спортивный автомобиль, загородный дом, квартира в центре – неплохо для начала. Я гордилась своим Яном. Молодец, все успевает, в курсе всех важных событий, умеет наладить нужные связи. А главное – умеет работать, живет независимо от родителей. Когда вспоминала о них, неприятный холодок сжимал сердце.

Нет, не примет меня мама Яна. Не впишусь я в их семью. И возраст, и положение в обществе не то. Не о такой жене для сына мечтала Ксения Владимировна. Отгоняла от себя неприятные мысли. Придет время, тогда и буду думать, как строить отношения с родителями Яна. А пока надо мечтать о хорошем.

Свадьба – это прекрасно, это самый важный день в жизни девушки. Потом начнется счастливая семейная жизнь. Я окружу Яна заботой. У меня это хорошо получается уже сейчас. Через год у нас родится ребенок. Хорошо, если мальчик. Хотя неважно.

Я всегда хотела двоих детей. Старшего мальчика, и через пару лет девочку. Время поджимает, надо поспешить. Тридцать конечно не возраст, но уже и не юная девушка, как заметила Ксения Владимировна. И тут она совершенно права.

Я не собиралась становиться домохозяйкой. Буду продолжать работать и после рождения детей. В клинике меня ценят и уважают. А в таком возрасте этого далеко не каждый смог добиться. Возможно, со временем сменю профессию. Стану, например, косметологом. Или пойду преподавать биологию. Время покажет... Я обязательно найду себе работу по душе.

Подготовка к свадьбе шла своим чередом. Приятные хлопоты поглотили целиком. Мы выбирали ресторан, декор помещения, Ян уже забронировал отель на Мальте. Чтобы номер был роскошный, с большой террасой и обязательно с видом на море.

Но неожиданный поворот судьбы резко изменил мою жизнь.

* * *

В конце мая меня вызвал заведующий. Одному из первых людей города потребовалась медсестра для ухода на дому.

– Лидия Константиновна, вы будете ежедневно посещать Павла Игоревича Рудницкого. Ему надо делать уколы и ставить систему после операции. Реабилитация идет хорошо. Но в больнице он оставаться не хочет, предпочитает долечиваться дома.

– Но это же работа медсестры, – удивилась я.

– Да. Но господин Рудницкий желает, чтобы процедуры ему делал врач. Он считает, что у медсестер недостаточно глубокое медицинское образование. За это вам будут доплачивать.

– Хорошо, – согласилась я.

Деньги лишними не будут. Тем более что выбора у меня нет. Руководству клиники виднее, кто и чем должен заниматься. В клинике разговор с сотрудниками короткий. Не нравится – увольняйся, никто не держит. На это место при такой высокой зарплате сотня желающих найдется.

Любой каприз за деньги пациента – таков негласный девиз нашей клиники.

От состоятельных клиентов всегда одни неприятности и нервозность. Они вечно недовольны, как их лечат, как осматривают, как делают уколы. И вообще, врачи недостаточно грамотны и компетентны, чтобы лечить таких важных персон.

Господин Рудницкий – бывший депутат Государственной думы, в преклонном возрасте и с очень молодой женой. Кажется, она у него вторая или третья. Рудницкий оставил госслужбу и вернулся в бизнес. Об этом знаменательном событии трубили все таблоиды города.

Семье Рудницких принадлежит огромный химический концерн. Сеть заводов разбросана не только по области, но и в других регионах страны.

Итак, в назначенный день после обеда заведующий лично проверил погрузку медицинского оборудования в автомобиль клиники, и я отправилась к господину Рудницкому.

Как оказалось, я понятия не имела, что значит элитная квартира. Пентхаус Павла Игоревича расположился в новом доме на берегу реки. Скоростной персональный лифт поднял меня на тридцать шестой этаж за несколько секунд.

Меня встретил привратник – важный, как английский лорд. Он проводил меня в комнату, расположенную недалеко от кухни.

– Здесь вы можете переодеться и разместить медикаменты и оборудование, – важно произнес он. – Павел Игоревич ждет вас в спальне через четверть часа. По коридору вторая дверь направо. Господин Рудницкий не любит задержек и опозданий. Постарайтесь не разочаровать его, – строго предупредил меня верный дворецкий бывшего слуги народа.

Шофер клиники разместил все необходимое в комнате и ушел. Я переделалась в форменный халат, надела на голову шапочку, достала лекарства, шприцы, сложила их в контейнер. Собрала хромированную стойку под систему. Мне не раз приходилось заниматься этим в клинике, но на дом к пациенту я выехала впервые.

Взяла стойку, контейнер, распахнула дверь и шагнула в коридор. И с размаху налетела на стремительно идущего человека. От неожиданности я уронила стойку.

Пронзительный звук от упавших металлических трубок резанул мой слух как гром среди ясного неба.

Мужчина обхватил меня за талию и не дал упасть.

Моя рука упиралась в мускулистую грудь мужчины. Я слышала, как гулко бьется его сердце. Подняла глаза и невольно замерла.

Насмешливый взгляд карих глаз откровенно изучал меня. Высокий, стройный, темноволосый мужчина лет тридцати семи крепко обнимал меня и не спешил отпускать. Выбрит до синевы, одет в дорогой костюм. Пиджак расстегнут, и моя рука все еще лежит на его груди. Через тонкую ткань я чувствовала крепкие напряженные мышцы.

Какая неловкая ситуация!

– Целы? Я едва не сбил вас с ног. Простите.

– Все нормально, – прошептала в ответ.

Я осторожно освободилась из неожиданных объятий. Наклонилась, чтобы собрать распавшуюся на отдельные части стойку капельницы.

– Позвольте, я помогу, – молодой мужчина опередил меня, ловко собрал металлические трубки и протянул мне.

– Спасибо, – я невольно взглянула в темные глаза и утонула в них, как в омуте. Его взгляд притягивал, завораживал. Вздогнула и пришла в себя.

Судорожно начала собирать стойку. Как назло, руки не слушались. Депутат будет в бешенстве. Я заставляю его ждать – неслыханная наглость!

Мужчина отстранил меня и через несколько секунд все было готово. Я хотела забрать оборудование, но он не отдал мне его.

– Главное, не спешить, – очаровательно улыбнулся он. – Я провожу вас, а то налетите еще на кого-нибудь.

– Это вы налетели на меня, – заметила ему в ответ.

– Ну, разумеется. В этом доме всегда виноват только я, – рассмеялся он.

Мужчина сделал широкий жест рукой, пропуская меня вперед.

– Как понимаю, вы будете лечить моего дорогого папу?

– Я буду проводить процедуры господину Рудницкому.

– Тогда давайте познакомимся. Дмитрий Рудницкий. Сын вашего пациента.

– Лидия Спирина. Врач.

– Очень приятно, – он поцеловал мне руку.

Это было неожиданно. Моя рука замерла в его. Но через мгновение я отдернула ее.

– Вы такая пугливая, – снова рассмеялся Рудницкий-младший.

- Я не пугливая. Просто Павел Игоревич будет недоволен, что я опоздала.
 - Мой папаша это переживет. Я замолвлю за вас словечко перед ним.
- Дмитрий постучал в высокую инкрустированную красным и черным деревом дверь.
- Папа, к тебе врач, – Дмитрий не стал дожидаться ответа и распахнул ее. – Прошу, проходите.

Глава 3. Лидия

Я переступила порог и оказалась в опочивальне французского императора. Или русского... Роскошь, бьющая в глаза.

Огромная кровать под балдахином из шелка и парчи. Ее золотые витые столбы украшали амуры, держащие гирлянды из роз.

На кровати лежал сухопарый пожилой мужчина. На лице следы недавней пластической операции. Совершенно лысый, с пронзительным взглядом водянистых бесцветных глаз. Настоящий Кощей Бессмертный. Я знала, что пациенту семьдесят два. Но сейчас трудно понять, насколько эффективно прошла операция. На лице отечность и краснота.

Невольно окинула взглядом комнату.

Картины в резных рамах по стенам напоминали об Эрмитаже. На одной из них Павел Игоревич в костюме Людовика XIV с короной на голове и в горностаевой мантии обнимал черноволосую диву в пышном шелковом платье. Дива держала в руках веер и была увешена драгоценностями как новогодняя елка стеклянными игрушками. Она годилась в дочери своему кавалеру. Судя по всему, ей нет и тридцати.

Пушистый ковер покрывал янтарный паркетный пол, высокие окна с витражами. Роскошные портьеры причудливо задрапированы. Много лепнины на стенах и потолке. И везде позолота в невероятных количествах.

Люстра из розового хрусталя свешивалась с расписного потолка. На нем тоже резвились пухлые амуры.

– Вы не в музей пришли, нечего по сторонам смотреть, – сердито произнес пациент. – Милочка, вы опоздали на две минуты. Это недопустимо. Я очень недоволен и сообщу об этом вашему руководству.

– Папа, побереги нервы, – Дмитрий подошел к высокой кровати. – Это моя вина. Я едва не сбил с ног бедную девушку. Пришлось собирать упавшую стойку. Но все обошлось. Стойка даже не покривилась. И врач тоже цела и невредима. Так? – обратился Дмитрий ко мне.

– Да, все хорошо, – кивнула я.

– От тебя вечно одни неприятности, – буркнул Рудницкий-старший. – Что тебе надо? Видишь, я занят.

– Хорошо, я приду позже, – Дмитрий изобразил на лице смирение. – Все, как ты захочешь. Только не переживай, это вредно. Особенно после пластической операции. Третьей, если не ошибаюсь? Как проходит омоложение? Бьешь копытом как молодой жеребец?

– Не хаами! – прорычал Рудницкий.

– Собственно, я просто пришел узнать о твоём здоровье. Я очень за тебя волнуюсь.

– Иди, иди, – сердито махнул рукой Павел Игоревич.

Я быстро приготовила все необходимое для системы и ждала, когда закончится перепалка между отцом и сыном.

Дмитрий вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Протерла спиртом руку пациента, уколола. Рудницкий поморщился и откинулся на высокие подушки.

Я села на резной стул рядом с кроватью. Сидеть мне тут долго, минут сорок. Но так пожелал пациент. Я смотрела в пол, поскольку хозяин роскоши был недоволен, когда я рассматривала комнату.

– Ну что, так и будете сидеть как сова на ветке? – сердито спросил Павел Игоревич.

– Других процедур на сегодня не запланировано.

– Так расскажите мне о предстоящей реабилитации.

– Я думала, вам об этом рассказал лечащий врач.

– Надо не думать, а выполнять свои обязанности. За это вам платят, и немало.

Нервный пациент, но что делать? Я во всех подробностях рассказала ему о запланированных процедурах. Сколько будет систем, сколько уколов. В какой последовательности и почему. Время от времени Рудницкий задавал вопросы о качестве лекарств и их производителях. Хотел убедиться, что ему предоставили все только самое лучшее.

Наконец лекарство в системе закончилось. Я наклеила на руку пациента пластырь.

– На сегодня все.

– Вы хорошо сделали укол. Я почти ничего не почувствовал, – признался Павел Игоревич. – Надеюсь, и дальше будет так же. Я бы не хотел разочароваться в вашей клинике.

– Я приложу все усилия, чтобы ваша реабилитация прошла успешно, – заверила пациента.

– Даже не сомневаюсь в этом, – хмыкнул Рудницкий, резко приподнялся на кровати и хлопнул меня по пятой точке.

Видимо, это должно было означать поощрение.

Я отпрянула от постели.

Бывший депутат громко заржал. Ну точно – жеребец. Только весьма престарелый.

– Не изображай недотрогу! – продолжал смеяться он.

– Прошу вас больше так не делать, – я чувствовала, как краска заливает мое лицо.

– Иди, свободна на сегодня, – махнул рукой Павел Игоревич, отпуская меня как хозяин отпускает служанку.

Я бочком подошла к стойке, подхватила ее и поспешила покинуть спальню. У двери обернулась:

– До свидания, – постаралась заглушить возмущение и говорить спокойно.

Как мне хотелось послать этого старого ловеласа куда подальше и больше никогда тут не появляться! Возмнивший о себе хам! Думает, раз сказочно богат, то может позволить себе все.

Ответом меня не удостоили.

Навстречу по коридору шла роскошная молодая женщина, похожая на фотомоделю. Длинные черные волосы, полные губы презрительно поджаты, высокие скулы, раскосые глаза недовольно сощурены. Шелковый халат насыщенного розового цвета струился по идеальной фигуре, почти обнажая крупную грудь. Я сразу узнала диву с картины. Жена Рудницкого вполне соответствовала его вкусу – яркая, надменная, дорогая.

– Доброе утро, – поздоровалась я.

Красавицы едва кивнула мне. С прислугой тут здороваться не принято.

В импровизированной лаборантской быстро разложила по местам оборудование, убрала лекарства в холодильник. Для господина Рудницкого все предусмотрели в лучшем виде, не хуже, чем в клинике. Переделалась и вышла в коридор.

Скорее на волю! Отвратительный пациент, ненавижу таких высокомерных снобов. И нельзя отказаться. Сейчас мне зубами надо держаться за хорошую работу – предстоящая свадьба требует больших расходов.

Вышла в просторный холл и направилась к лифту.

– Как прошел первый день работы в нашем дурдоме? – с дивана у окна поднялся Дмитрий.

– Все хорошо, – ляпнула я, судорожно нащупывая кнопку лифта.

– То есть вы признаете, что это дурдом? – рассмеялся он в ответ.

Я растерялась.

– Все хорошо в смысле ваш отец остался доволен. Мне кажется... – понимала, что говорю что-то не то, но не знала, как вести себя.

– Да ладно, он никогда не бывает доволен. Приставал?

– Что? – не понял я.

– Спрашиваю, приставал к вам? Лапал, тискал, как еще это назвать на понятном вам языке?

– Нет, конечно, – я чувствовала, что снова краснею. Вообще-то фривольный шлепок – это не приставание, а оскорбление.

– Не верю. Мой папа без этого не может.

Где же этот проклятый лифт? И куда делся дворецкий, или как его правильно называть? Лакей? Я чувствовала себя неловко рядом с молодым Рудницким.

Наконец двери лифта бесшумно открылись. Я поспешила войти в него.

– Всего доброго, – пробормотала я. Но Дмитрий шагнул за мной.

– Могу я угостить вас кофе? – поинтересовался он.

– Нет, благодарю. У меня очень плотный график работы.

– Неужели? – выгнул дугой бровь Рудницкий. Он нажал на красную кнопку, и лифт остановился.

Я замерла. Дмитрий притянул меня к себе, его руки скользнули по моим плечам, по спине. Губы почти касались моего уха.

– Вы удивительно привлекательная медсестра. Можно, я тоже стану вашим пациентом? Вам будет намного веселее, чем сидеть рядом с моим папой, уж поверьте.

– Что вы себе позволяете? – праведное возмущение накрыло меня с головой. Кровь ударила в виски. Я резко освободилась из цепких рук Дмитрия.

– Я просто говорю комплименты, – насмешливая улыбка тронула его тонкие губы.

Я нажала на кнопку первого этажа. Лифт стремительно понесся вниз.

– Куда спешить? – Дмитрий снова остановил его.

– Немедленно прекратите балаган, – я попыталась дотянуться до панели с кнопками, но Дмитрий перехватил мою руку.

– Я всего лишь хочу произвести на вас впечатление, – он поцеловал мои пальцы один за другим. Его горячие губы жгли их огнем и туманили голову. – Неужели я вам совсем не интересен? – рассмеялся он.

Я не могла понять, издевается он надо мной или говорит серьезно.

– У меня есть жених, – выпалила я, высвобождая руку.

– Жених? Какое старомодное слово, – задумчиво произнес Рудницкий. – Верю, что мужчина у вас есть. Такая привлекательная молодая женщина не может быть одна. Но что это меняет? Что мне до этого?

– Я требую, чтобы вы немедленно прекратили домогаться меня.

– Ну откуда в вашем лексиконе такие словечки? Где вы их нахватались? Впрочем, в этом что-то есть... Легкий флер старины, дикая смесь невинности и декаданса... – Дмитрий, наконец, нажал на кнопку первого этажа. – Я вас не домогался. Просто поцеловал руку. Но мы могли бы отлично провести время. Уж точно веселее, чем с вашим женихом или моим папашей.

Наконец лифт достиг первого этажа, и я поспешила выйти.

– До скорой встречи, – Дмитрий поймал меня за руку и поцеловал ладонь. – Держите ухо востро с моим папой. Он не такой деликатный как я. Молоденькие горничные боятся заходить в комнату, когда он там один.

– Мне это не интересно, – я попыталась освободить руку, но у меня ничего не получилось.

– Предупрежден – значит вооружен. Я пытаюсь описать ситуацию, в которую вы попадете в ближайшее время. Возможно, у отца начался старческий маразм, возможно, попытка вернуть ушедшую молодость. Так что будьте готовы к подобному повороту. И тогда можете попросить меня о заступничестве. Я смогу защитить вас от папы. За небольшую услугу...

Он отпустил мою руку. Похоже, Рудницкий-младший прав, и я попала в дурдом. Сегодня же попрошу заводделением поручить мне другую работу. Ноги моей больше не будет в квартире престарелого олигарха.

– Передайте своему отцу – завтра к нему придет другой врач. Я не прислуга, и для меня неприемлемо такое отношение.

– Придете, – усмехнулся Дмитрий. – Никуда вы не денетесь. От меня уж точно.

Глава 4. Дмитрий

Сегодня я планировал поговорить с отцом. По душам, если только у него она есть.

Явился к нему без приглашения. Нам предстоял сложный разговор. Отец требовал, чтобы я вернул ему акции завода полимерных материалов.

Их он подарил мне много лет назад на совершеннолетие. Подобный подарок ранее он сделал своему первенцу – любимому Леше. До сих пор не могу понять, почему отец расщедрился и для меня?

Однако с какой стати я должен возвращать отцу то, что он собственноручно подарил мне будучи в твердом уме и доброй памяти? Я смог развить предприятие, оно приносит колоссальную прибыль. Мне никто не помогал добиться успеха, я крутился как мог.

Безусловно, отец дал мне хороший старт. Но хоть что-то он должен был дать мне, раз никогда не любил меня как сына?

Посещение резиденции отца началось с неожиданности. Я едва не сбил с ног молоденькую медсестру. Она страшно испугалась.

Я держал девушку за талию и чувствовал дрожь ее гибкого тела. Огромные испуганные серые глаза с поволокой. Щеки девушки залил румянец. Надо же – она смутилась!

Девушка выглядела забавно. Медицинский халат светло-зеленого цвета подчеркивал стройную фигуру.

Симпатичная, среднего роста. Русые волосы гладко причесаны и заколоты на затылке, на голове медицинская шапочка. Жаль, на ней нет красного креста!

Сначала я подумал, что это очередная эротическая фантазия моего папы. Девочка по вызову в образе медсестры. Но уж слишком испуганно она смотрела на меня. Нет, однозначно это не проститутка. Не может у нее быть такого изумительного взгляда, завораживающего своей чистотой и невинностью.

Девушка обратила на себя мое внимание. Думаю, и отец проявит к ней интерес. До интима дойдет вряд ли, но облапает девушку, это уж точно. Папе сейчас не до секса с прислугой – возраст берет свое. Да и молодая жена под боком, с ней бы справиться, ей доставить хоть какое-то удовольствие.

Алиса, конечно, многого от мужа не требует, понимает, что против природы не попрешь. Думаю, она вообще предпочла бы, чтобы муж не трогал ее. Тоскливо проводить ночи рядом со стариком, пусть даже и сказочно богатым.

Я порадовал Алису всего однажды. Сделал это из принципа. Она была невестой моего отца, когда я без особого труда добился от нее желаемого. Впрочем, Алиса всегда была доступной женщиной. Дикого восторга от обладания невестой папаши я не получил.

Но у меня появился компромат на молодую дуру. Когда Алиса это поняла, было уже поздно. Я мог описать отцу все ее родинки и татуировки на интимных местах.

Поэтому отношения с молодой мачехой у меня замечательные. Она не пытается настроить отца против меня. Алиса меня боится, а значит – уважает. Мачеха старается держаться от меня подальше. И это правильно.

Отец привык, что весь мир крутится вокруг него. Любое его желание должно быть исполнено немедленно. Третья пластическая операция должна продлить молодость отца и его сексуальную привлекательность. Как это важно для моего папы! Куплена очередная молодая жена. Она смотрит ему в рот и ловит каждое слово.

А потом мадам Алиса Рудницкая отыгрывается на прислуге – орет, как базарная баба, истерит, топает ногами. Очередное семейное счастье моего папочки. Увы, он так и не смог получить от судьбы главный подарок. Молодая жена Алиса родила трех девочек с разницей в год с небольшим.

Современная медицина творит чудеса. У престарелого олигарха с помощью ЭКО дети пекутся как блины. Вот только пол ребенка запрограммировать невозможно. Бедняжка Алиса перенесла три операции, врачи сказали – больше родов не будет. А суррогатное материнство отец не признает, считает извращением. Да и не факт, что это помогло бы.

Ради собственного самоутверждения, и чтобы молодая жена не смотрела налево папа горстями поглощает возбуждающие таблетки. И совсем не думает о том, что это может повредить здоровью. А без таблеток уже никак... Зато есть иллюзия крепкой семьи.

Алиса живет в золотой клетке, ублажает престарелого мужа и изображает безумное счастье от того, что находится рядом с ним.

Молодой жене это блестяще удастся. Впрочем, что еще можно ждать от бывшей стриптизерши и проститутки, пусть даже элитной? Последние годы папа не слишком разборчив в связях.

Во время одного из посещений любимого стрип-клуба он обратил внимание на новенькую девочку, ловко вертевшуюся у шеста.

Уже через полгода она из исполнительницы оригинальных танцев превратилась в экономиста его химического комбината. Для молодого специалиста был куплен красный диплом и скоро Алиса стала законной женой немолодого, не слишком сексуального, но шустрого босса.

Моя мачеха на несколько лет младше меня. Но папу это не смущает.

Отношения с отцом всегда были странные. Он не любил меня, но терпел. Как единственного сына. Его первенец умер десять лет назад от передозировки. На Алексея отец возлагал большие надежды, мечтал передать ему бразды правления. Но Леша умел только пить, мотаться по бабам и в итоге скатился до наркоты.

Смерть любимого сына отец пережил с трудом. Он постарел на глазах. А я стал для него предметом вечного недовольства. Он постоянно сравнивал меня с Алексеем, и сравнение это было не в мою пользу.

Первый раз отец женился рано, в двадцать. Его жене было восемнадцать. Они вместе учились в Сельхозакадемии. Отец уже тогда знал, что достигнет заоблачных высот – мой дед занимал видное место в партийной элите города и тянул сына наверх всеми правдами и неправдами.

Отец никогда не отличался ангельским характером, любил женщин и не был примерным семьянином. От жены требовал сидеть дома и воспитывать сына. Не мудрено, что бедная женщина пристрастилась к алкоголю. Она умерла, когда сыну было пятнадцать. Леше требовалась забота и папе пришлось жениться вторично.

Для меня до сих пор загадка, что в нем нашла мама? Интеллигентная, умная женщина с блестящим университетским образованием.

Возможно, просто пожалела одинокого мужчину с мальчиком-подростком. Это была ее роковая ошибка. Леша вступил в тот возраст, когда поменять характер уже невозможно. Отец баловал своего первенца, Алексей не знал слова «Нет». Не мудрено, что моя мама ничего не смогла поделывать с распущенным парнем.

В восемнадцать лет Леша получил от папы роскошный подарок – акции завода нитроволокна. Золотое дно. Леша их просто продал, а деньги промотал.

Отец смог выкупить акции. А Лешу только слегка пожурил – молодо-зелено, жизни не знает. Папа искренне надеялся, что его первенец, продолжатель дела Рудницких изменится и превратится в блестящего руководителя химической империи, приумножая богатства семьи.

Удивительно, что такой прагматик как мой отец, жил иллюзиями по поводу Алексея.

Моя мать долго терпела выходи мужа. Но папа стал распускать руки. Я не сразу узнал об этом. А когда понял, что происходит, серьезно поговорил с отцом. После разговора у меня остался синяк под глазом, тещины в ребрах и шрамы на спине, а у отца перелом запястья

и выбитый клык. Мне было четырнадцать и именно тогда я стал мужчиной. Больше отец не поднимал руку ни на маму, ни на меня.

Естественно, отцовской любви подобное общение мне не прибавило. Но он понял, что я могу постоять и за маму, и за себя. Мама с отцом все-таки развелась, но ее здоровье оказалось подорванным. Больное сердце, слабые легкие, расшатанные нервы.

Когда я стал жить самостоятельно, купил маме дом недалеко от Сочи. Ей нужен морской воздух и мягкий теплый климат. Мы созваниваемся почти каждый день. Она живет замкнуто. Отец искалечил ее судьбу, сделал несчастной. Этого я ему никогда не прощу.

Но, в силу сложившихся обстоятельств и общего бизнеса нам приходится терпеть друг друга и соблюдать мирный нейтралитет. До поры до времени...

Мои мысли постоянно возвращались к Лидии. Оказалось, она не медсестра, а врач. Даже странно, что отец не затребовал себе профессора на проведение процедур. И так, она будет ходить сюда как минимум десять дней, а то и больше. Есть время наладить контакт с очаровательной медичкой.

Мой стремительный натиск потерпел поражение. Это удивило и заинтриговало. Она вообще знает, кто я такой? Похоже, ее это мало интересует. У нее, видите ли, есть жених! Неужели еще кто-то помнит такие древние слова? Жених, невеста? Как пошло это звучит. Но не из уст Лидии.

Редкое имя. Так частенько звали рабынь в Древнем Риме. Они принадлежали патриция и выполняли любое желание своего господина. Так почему бы не сыграть в эту игру? Намного интереснее, чем медсестра и пациент!

Раньше была любовь с первого взгляда. Теперь – страсть с первого взгляда. Лидия меня зацепила. Я понял, что хочу получить ее. Как редкий экземпляр в свою коллекцию. Нежный мотылек среди ярких бабочек. Но если приглядеться, мотылек обладает изысканной красотой и утонченностью. А именно этого мне никогда не хватало. Утомила роскошь, бьющая в глаза.

Никуда строптивая Лидия от меня не денется. Я привык получать то, что желаю. Этому научил меня отец. Хоть что-то полезное я от него почерпнул, кроме капиталов.

Большие деньги – это хорошо. Но к ним еще должен прилагаться твердый характер и железная воля. Я смогу сломить любую женщину, если захочу. Сломить, но не сломать. Сломанная игрушка неинтересна, она теряет очарование. Я не ломаю людей, я заставляю их подчиняться моей воле добровольно. Или почти добровольно...

Сколько роскошных женщин добиваются моего благосклонного внимания, сколько светских див мечтают провести со мной хотя бы одну ночь! Какие потрясающие девушки мечтают о том, чтобы стать моей подружкой. Пусть даже ненадолго. О большем они и думать не смеют.

А какая-то не то врач, не то медсестра воротит свой милый носик и заявляет, что я ей не интересен. Да быть такого не может! Поломается немного и упадет в мои объятия как созревший плод. Это только вопрос времени.

Придется папе потерпеть мое присутствие в его доме. Тем более что нам с ним надо многое обсудить и принять решение, как дальше развивать предприятие. Неприязнь неприязню, а дело должно делаться.

Глава 5. Дмитрий

Алиса полулежала рядом с отцом, прижимаясь к нему силиконовой грудью и что-то шептала на ухо.

– Сколько раз тебе говорить, что надо стучаться? – отец нахмурил брови.

– Что такого неожиданного я могу увидеть? – поинтересовался в ответ.

Отец согнал Алису с постели. Мачеха стояла гордо выпрямившись, и очевидно, ожидая ответа мужа

– Ты дура? – мельком взглянул на нее отец. – Что, не поняла?

– Так ты купишь? Я хочу, – с нажимом произнесла она.

– Обойдешься без Ламборджини. И так уже зажралась.

– Ну Паша... – томно протянула она. – Я тебя прошу... Пожалуйста...

– Свободна, я сказал! Пошла вон!

Алиса гордо вскинула голову и процокала к выходу как породистая кобыла, эротично виляя задом.

– Жмот! – коротко бросила через плечо.

Громыхнула дверь, жалобно зазвенели подвески на люстре.

– Дура и истеричка, – хмыкнул папа. – Но хороша, стерва. Ах, как хороша!

– И чем же, позволь узнать? Тем, что может вызвать в тебе воспоминания бурной юности?

Кстати, что за медичка у тебя сегодня была?

– Обратил внимание? – усмехнулся отец. – Так и знал, что заинтересуешься ею. Ни одной бабы пропустить не можешь.

– В этом я пошел в тебя.

– Тут спорить не буду. Я эту кралю заприметил еще в клинике. Интересная штучка. Шуганная слегка, – задумчиво протянул папа. – Предположу, что порядочная до неприличия.

– Но это придает ей шарма, – в тон отцу продолжил я. – Милая девушка. Потянула на новизну? Думаешь, она увлекается пенсионерами? Это вряд ли...

– Это тебя вообще не касается. Ты чего пришел? – сердито спросил отец. – Чего надо?

– Пришел навесить больного отца. И нам стоит поговорить о твоей идее. Я не собираюсь возвращать тебе акции завода. Ты их мне подарил на день рождения. Мне тогда исполнилось восемнадцать. Ты снизошел до того, что в первый и последний раз поступил со мной как с Алексеем – ему акции на день рождения, мне тоже. Я тогда даже подумал, что ты тоже любишь меня. Счастливое время было. Помнишь?

– И чем же оно было счастливым для тебя? Тем, что ты валял дурака и ни хрена не делал?

– Я тогда был юн и наивен, – сладко улыбнулся папе. – Мне казалось, что у нас дружная семья.

– Прекрати идиотничать. Ты так никогда не думал. Твоя мать никогда не могла дать мне того, что от нее требовалось. Бестолковая бесполезная баба. И какого ляда я на ней только женился?

Об этом папе было лучше не заикаться.

– Она любила тебя. И это была ее главная ошибка. И она любила Алексея как родного.

– Зря ты о нем вспомнил, – помрачнел отец. – Он был настоящий мужик, не тебе чета.

Не стал спорить с папой. О мертвых хорошо или никак. Я уважаю это правило.

– Ладно, давай к делу, – отец поерзал и поудобнее уселся на кровати. – Я хочу, чтобы ты вернул мне акции завода. У меня растут три дочери. Их надо обеспечить. Ты уже достаточно попользовался моей добротой. У тебя останется нехилый счет в банке, коммерческая недвижимость, квартира и дом. Более чем достаточно для безбедной жизни.

– Что, денег на Ламборджини для Алисы не хватает? – усмехнулся я.

– Я сказал, у меня растут дети.

– Я тоже твой сын.

– Ты – моя неудача.

– Я так не считаю. Чем же я тебе не угодил? Просвети дурака, – я подошел к окну и отдернул тяжелую портьеру.

У моих ног простирался город. Река серебристой змеей убегала за горизонт. Легкая сизая дымка висела в воздухе.

– Ты не оправдал моих надежд. Вот Алексей...

– Прекрати сравнивать меня с братом. Мы были разные. Очень разные.

– Да уж. Из него вышел бы толк. Только твоя мамаша не смогла дать ему материнской любви. Она любила только тебя.

– Ложь. И ты это отлично знаешь. Это Алексей никогда не признавал ее. И не без твоей помощи. Ты постоянно третировал мать, унижал при нас, оскорблял. Она долго терпела. Но все-таки ушла от тебя. Надо ей это было сразу сделать, а не ждать, пока ты искалечишь ее. Забыл об этом? – я оскалился и коснулся нижнего левого клыка. У отца он фарфоровый благодаря моему меткому удару в его челюсть.

– Ты посмел поднять на меня руку, – рыкнул отец.

– Ты получил по заслугам. Ты бил мою мать, – так же рыкнул я.

– Ладно, что было, то прошло, – примирительно начал папа. – Мне нужны эти акции.

У меня большие планы на завод. Мне сделали очень интересное предложение по слиянию предприятий.

– Прости, папа, но ты не получишь акций.

– Я собираюсь выкупить их у тебя. Хочешь набить цену?

– Нет. Я не планирую продавать завод в ближайшее время. У меня тоже есть планы. И я их успешно реализую, если ты заметил. Так что говорить о том, что я загубил бизнес как минимум глупо. Я развил предприятие, увеличил выпуск продукции в разы, создал новые рабочие места. С какой стати мне отдавать это все тебе?

– Я устал, – отец лег и принял утомленный вид. А может, и правда, устал. Ведь возраст дает о себе знать. – Мы еще вернемся к этому вопросу.

– Не стоит, – заверил я его. – Не собираюсь менять решения.

– Упрямством ты пошел в мамашу. Глупостью тоже, – тихо произнес отец. – Я буду спать, иди.

– Скорейшего выздоровления, – я помахал на прощанье рукой.

В коридоре меня догнала Алиса.

– Послушай, Дима, – вкрадчиво начала она. – Не расстраивай Павла. Он весь на нервах. Ему нужен покой.

– Какая ты заботливая, – я обнял ее за талию и притянул к себе. Другой рукой погладил упругую грудь. Отец неплохо оттюнинговал жену.

Чувствовал, как дрожь пробежала по ее телу. Черные глаза вспыхнули. Но тут же погасли. Алиса отстранилась и поправила на груди розовый халатик.

– Как ты смеешь? – прошептала она.

В ее голове я не уловил сильного возмущения.

– Простите, мама. Я машинально, – расхохотался в ответ. – Сработал инстинкт маленького ребенка. Забыл, что из твоей груди можно извлечь только несколько кило силикона.

– Нахал! – вспыхнула Алиса.

– Что делать, – пожал я плечами. – Моей вины тут нет. Таким меня воспитали. Так чего ты хотела, дорогая мамочка?

– Передай отцу акции.

– Надо же, отец держит тебя в курсе своих дел? – удивился я.

– Меня попросили быть посредником в этом вопросе, – призналась Алиса.

– Так предложи эту выгодную сделку мне, – не удержался, и погладил ее по спине. Рука невольно скользнула ниже. Умеет папа выбирать женщин. Но жениться на такой не стоило. Проститутка останется проституткой, с этим ничего поделать нельзя.

– А смысл? – Алиса сбросила мою руку. – Ты мне предложишь процент от сделки, а Павел со временем оставит все.

– Ждешь, когда муж склеит ласты?

– Как грубо! Я надеюсь, он проживет еще очень долго.

– Надо же, какая преданность! Отец уже написал завещание.

– Ты знаешь об этом?

– Разумеется. И знаю, что мне ничего не достанется. Так что лучше каждый останется при своем.

На прощание обнял Алису и поцеловал ее в плечо. Крепко, до синяка.

– Идиот! – тихо взвизгнула она. – Ты чего наделал? – она сильно ущипнула меня за руку. Сильно, но безумно эротично!

– Скажешь мужу, что я пытался тебя изнасиловать. Думаю, это его взбодрит.

Бедная, бедная Алиса. Разрывается между старым мужем и здоровыми инстинктами. Видимо, очень надеется, что ждать ей недолго. Но папа мужик крепкий, помирать не собирается.

– Кстати, новая медичка очень заинтересовала отца, – доверительно сообщил Алисе. – Его похоже, потянуло на серьезных девушек. Надоели проститутки. Как бы папа в очередной раз не сменил жену. Ты уж последи за ним от греха подальше.

Не помешает оградить Лидию от папиного внимания. Да и Алисе не стоит расслабляться. Пусть присматривает за мужем. Так всем будет спокойнее.

* * *

Вернулся в офис и вызвал начальника охраны:

– К моему отцу ходит врач – Лидия Спирина. Из клиники «Авиценна», где мой отец недавно делал операцию. Хочу знать о ней все – кто родители, где живет, с кем живет. Знаю, что собирается замуж. Про жениха тоже собери полную информацию. Что за тип, чем занимается. Ну, сам знаешь.

– Понял. Будет сделано, – коротко кивнул Артем.

Отличный исполнитель – сообразительный, шустрый.

Крепко зацепила меня эта Лидия. Видел ее всего несколько минут, а выкинуть из головы не могу. Или не хочу?

Есть в ней нечто, чего нет в таких как Алиса. Искренности? Пожалуй. Порядочности? Однозначно.

Правильная девушка. Такая не кинется на шею богатому и успешному. Ей просто на это наплевать. Она любви хочет, большой и чистой. Наивная!

Где эта любовь? Нет ее... Выдумка и все. Красивая сказка для таких дурочек как Лидия. Надо помочь ей понять это. А то так и проживет в неведении. Любовь – мираж, секс – реальность, приносящая неземное удовольствие. Вот и надо это удовольствие получать.

Как Лидия гневно сверкнула глазами! Серые молнии поразили меня в самое сердце. Давно у меня оно так бешено не билось. Завела меня девушка с полуоборота. И заинтриговала. Что за жених у нее, кого она собралась осчастливить? И стоит ли этот мужчина такой как она?

А может, Лидия просто пустышка? Реальная дура, не стоящая моего времени и внимания? Я вспомнил наше общение в лифте. Как искренне она возмущалась. Нет, не дура Лидия и не пустышка. Просто милая девушка, попавшая в вертеп к моему папе.

Но я не дам ему шанса воспользоваться своим положением. Лидия достанется мне. Не думаю, что придется прикладывать слишком много усилий. Наберусь терпения, подожду как охотник в засаде. Пока не приходилось иметь дела с такими невинными девушками. Или наивными? Есть в ней какая-то загадка, интрига.

Привык, что женщины вешаются на меня сами, соперничают за мое внимание. А эта испугалась и возмутилась. Такой реакции я еще не видел. Я не насильник, так чего пугаться? И я нравлюсь женщинам не только потому, что имею солидный капитал и вес в обществе. Возможно, это играет не последнюю роль. Но я еще привлекателен мужской силой, харизмой, брутальной внешностью, если угодно. Не устоит Лидия, тут только вопрос времени и моего умения обращаться с женщинами.

Охота предстоит интересная. Тем желаннее будет победа.

Глава 6. Лидия

День выдался неудачный. Я отправилась к завотделению и сказала, что не смогу посещать Рудницкого. Но Иван Афанасьевич не пошел мне навстречу.

– Меня не интересуют ваши желания и капризы. Вы знаете правила, Лидия Константиновна. Пациент всегда прав.

– Но Рудницкий вел себя со мной грубо.

– Такого не может быть, – строго посмотрел на меня завотделением. – Павел Игоревич – уважаемый человек. Вы просто все не так поняли.

– Я еще раз прошу вас сменить врача для Рудницкого. Я к нему больше не пойду.

– Хорошо, я узнаю мнение пациента. Возможно, он тоже недоволен вашей работой.

В моей душе поселилась надежда. Но уже через полчаса позвонил Иван Афанасьевич и сообщил, что пациент даже слышать не желает о другом враче. Я его устраиваю и менять руку, как выразился Рудницкий, он не желает.

– Тогда я уволюсь, – пообещала завотделению.

– Воля ваша. Но учтите, в этом случае ваша карьера в медицине будет завершена. Я никогда и никому не порекомендую вас. То, что вы хотите бросить пациента посреди лечения – безответственно и непрофессионально.

– Но я была у него всего один раз, – попыталась протестовать я.

– Вы устраиваете господина Рудницкого, и менять врача он не намерен. Крепко подумайте, прежде чем поставить крест на своей карьере. Мой вам добрый совет, не рубите с плеча. Ни к чему хорошему это не приведет.

Все складывалось просто отвратительно.

Мама, наверное, поддержала бы меня. Нельзя мериться с хамством. А вот отец, возможно, посоветовал бы набраться терпения и не обращать внимания на поведение Рудницкого. Но увы, это всего лишь мои предположения.

Решение предстоит принимать самостоятельно. Поставить крест на карьере или терпеть сальности зарвавшегося олигарха? Есть над чем подумать.

Решила посоветоваться с Яном. Он теперь самый близкий для меня человек.

Ян вернулся уставшим, поужинал и уткнулся в ноутбук.

– Я хотела поговорить...

– Подожди немного, мне надо срочно отредактировать статью, – Ян энергично стучал по клавишам.

Освободился он только через два часа.

– Жутко устал. Что у тебя? – он обнял меня за плечи. – Давай побыстрее.

Я сбивчиво рассказала о своих проблемах с Рудницким-старшим. Но о его сыне пока умолчала. Ян помрачнел.

– Не ожидал от тебя такого легкомыслия, – он сел на край стола. – Ты меня сильно расстроила.

– Я тоже расстроена. Видимо, мне придется уволиться.

– Интересный подход, – его взгляд стал ледяным. – Простое решение. Уволиться и ничего не делать.

– Почему? Я найду другую работу.

– Уборщицей? – зло усмехнулся Ян.

Его реакция удивила и обидела меня.

– Ты говоришь так, словно я нарочно все это затеяла.

– А как иначе я должен это понимать? Пациент говорил с тобой грубо, а потом вообще хлопнул по заднице. Не подумала, что сама дала ему повод вести себя так?

– Сама? – не поверила я своим ушам. – Чем?

– Ты даже не замечаешь, как крутишь хвостом перед всеми подряд. Для тебя это естественное поведение. Ты не контролируешь себя.

– О чем ты? – все еще не понимала я.

– Ты провоцируешь людей, а потом обижаешься на них. Тебе надо научиться критически смотреть на свое поведение. Тогда и проблем не будет. Ты говоришь, что любишь меня, и при этом флиртуешь направо и налево.

От таких слов я остолбенела.

– Ничего подобного, – пробормотала я. – Я не флиртую. Зачем мне это?

– Большинство женщин делают это машинально. Это заложено в вашем подсознании. Порок и разврат – вот основа поведения любой женщины. Кто-то может побороть их в себе, кто-то – нет. Я изучал психологию и отлично разбираюсь в подобных вещах. Мы обручились и тебе пора учиться контролировать свои инстинкты.

– Раньше ты ничего подобного мне не говорил, – прошептала я.

– Естественно. Пока мы просто встречались, твой внутренний мир меня мало волновал. Но теперь все изменилось. Ты должна понимать – мне нужна преданная жена с незапятнанной репутацией. Ты хочешь уйти с работы. Вот только одна проблема – кто тебя на другую возьмет? – в словах Яна сквозила досада и недовольство. – Умеешь ты создавать проблемы на ровном месте. Следить надо было за собой, не давать повода Рудницкому так себя вести.

Я понимала, что Ян по-своему прав. Я создала проблему и себе, и ему. Видимо, я невольно спровоцировала Рудницкого-старшего. Ведь и его сын говорил, что его отец старается чувствовать себя молодым. А тут явилась я и, возможно, вела себя слишком свободно – смотрела по сторонам, улыбалась. Вполне можно было принять меня за легкомысленную и недалекую девушку.

Хорошо, что я не рассказала Яну об инциденте в лифте. Он бы пришел в бешенство.

Как не крути, Ян прав. Я не только спровоцировала Павла Игоревича, но и его сына. Иначе с чего бы такому плейбою как Дмитрий Рудницкий обращать внимание на какую-то медсестру? Да, в каждой женщине живет порок, это правда.

– Согласна, Ян. Тут есть доля моей вины.

– Рад, что ты это признаешь, – Ян поцеловал меня в щеку. – Слушай меня и все будет хорошо.

– Так что мне делать? Увольняться? Или нет?

– Не спеши. Возможно, все не так страшно. Сходи к Рудницкому еще разок. Следи за собой, будь сдержанна. Дай понять, что ты не одна из его уличных девок. У тебя получится, я уверен. Если нет – тогда подумаем, как быть дальше. У меня приятель работает в частной клинике «Филин». Не помню точно кем, но занимает солидную должность. Если все будет совсем плохо, попрошу, чтобы взял тебя к себе. За ним передо мной должок. Врачом он тебя вряд ли возьмет, а вот медсестрой может. А со временем, глядишь, все потихоньку наладится.

На душе стало спокойно. Что бы я делала без Яна? Он такой рассудительный, умеет все объяснить и расставить по своим местам. Из него получится отличный муж – заботливый и добрый. Раньше родители помогали мне найти правильное решение, а теперь Ян заменит их.

– Но будет очень плохо, если ты уволишься со скандалом, – сокрушенно вздохнул Ян. – Все-таки медсестра получает в разы меньше врача. Нам будет трудно поддерживать быт на нужном уровне и обеспечивать соответствующий имидж.

Имидж! Как это важно для Яна. Хотя при его работе это на самом деле необходимо. Он публичный человек, как правильно заметила моя подруга.

* * *

Шла к Рудницкому со странным спокойствием. Не позволю ему говорить со мной как с прислугой. Если продолжит в том же духе, просто встану и уйду. Пусть жалуется на меня. Я уволюсь. Не пропаду, найду себе работу. Ян меня поддержит, он обещал.

Сегодня надела форменный брючный костюм на размер больше. Мешковатые брюки, широкая блуза скрыли мою фигуру. Ни грамма макияжа, волосы забрала под косынку.

Приготовила капельницу, шпиг и смело направилась к пациенту. Постучала в дверь ровно в назначенное время. Сегодня я не опоздала.

– Войдите, – услышала я женский голос.

Переступила порог. У кровати сидела черноволосая красавица и что-то рассказывала мужу.

– Иди, Алиса, – он повернулся ко мне. – Сегодня вовремя. Это радует.

– Доброе утро, – поздоровалась я.

– Доброе, – усмехнулся Рудницкий.

Алиса молча кивнула и переместилась на кресло у окна.

– Иди, я сказал, – глянул на нее муж.

– Я посижу рядом, – улыбнулась она полными губами. – Я так переживаю за тебя.

– От того, что ты будешь торчать тут, ничего не поменяется, – буркнул пациент.

Под пристальным взглядом Алисы сделала укол Павлу Игоревичу. Потом поставила систему.

– У тебя хорошо получается колоть, – усмехнулся Рудницкий.

– Очень прошу вас обращаться ко мне на вы, – попросила я.

– Ладно, – скривился Павел Игоревич. – Из-за этого вы пожаловались своему начальству? – поинтересовался он.

– Да, – я скосила взгляд на Алису.

– Или потому, что я хлопнул вас по заднице? – заржал Рудницкий.

Алиса гневно сверкнула глазами, но промолчала.

Мне снова стало неудобно. Я потупилась и начала разбирать лекарства.

– Больше не буду, – пообещал пациент. – Раз не понимаете шуток, то и не надо. И могли бы не одеваться как пугало. Алиса, иди сюда. Сядь рядом, не дуйся. Решила меня сторожить? Зря.

Красавица села на край постели.

– Паша, я тебя очень люблю, ты же знаешь.

– Знаю, знаю, – он потрепал ее по колену.

Похоже, интерес Рудницкого ко мне угас. Это радовало.

Очевидно, вчера Павел Игоревич действовал просто машинально. Может, мне и не придется уходить из клиники?

Через сорок минут я собрала инструменты, попрощалась и вышла из комнаты.

По коридору мне навстречу шел Дмитрий.

– Доброе утро, – кивнул он мне.

– Доброе утро, – я попыталась проскользнуть мимо него, но он остановил меня.

– Подождите минуту. Как отец?

– Отлично. Это всего лишь пластическая операция. Серьезных последствий быть не может.

– Я знаю. Но спросил из приличия, – расплылся он в улыбке. – Хотел извиниться за вчерашний инцидент. Я вел себя как последний мерзавец.

– Мне надо идти, – я наклонила голову и двинулась дальше, но он снова остановил меня, взяв за руку.

– Прошу вас, позвольте мне загладить свою вину. Я приглашаю вас на чай.

– Это неприемлемо, – категорично отказалась я.

– Мне очень жаль, что я по-хамски повел себя. Прошу простить, – в его голосе звучало искреннее раскаяние. – Пожалуйста, не отказывайтесь от моего предложения. Я чувствую себя последним негодяем. Дайте мне шанс исправить ваше мнение обо мне. Обещаю, подобного больше не повторится. Это всего лишь чашка чая. Она вас ни к чему не обяжет. Я не зову вас в бар или ресторан, не предлагаю ничего непристойного. Горничная уже накрыла в столовой. Надо уважать ее труд. Она такая старательная.

Упираться дальше было глупо. Выпью чай и все. Возможно, Рудницкий-младший вовсе не хам и искренне раскаивается в том, как повел себя.

Я заглянула в его глаза. Они смотрели внимательно и совершенно не нагло. Что нужно от меня этому человеку? Хочет просто извиниться? А почему нет?

– Хорошо, – кивнула я. – Но у меня всего десять минут.

– Этого будет достаточно для того, чтобы насладиться настоящим цейлонским чаем, – Дмитрий сделал широкий жест рукой, указывая на дверь в столовую.

Глава 7. Дмитрий

Сегодня Лидия надела странный костюм – бесформенный, если не сказать уродливый. Но и он не мог скрыть ее изящную фигурку. Похоже, она так вырядилась, чтобы отпугнуть отца и меня. Милая, но бессмысленная уловка.

Горничная разлила чай по невесомым фарфоровым чашкам. Я пододвинул Лидии вазочку с арабскими сладостями:

– Привез отцу из Эмиратов. Нечто вкусное с розовым маслом. Кажется, лукум. Я не силен в восточных названиях.

Она подцепила изящными пальчиками розовый полупрозрачный кусочек и отправила его в рот.

– Да, очень вкусно, – улыбнулась девушка. – Ничего подобного никогда не пробовала.

Какая у нее интересная улыбка. Искренняя, без игры и притворства.

– Мне жаль, что я обидел вас вчера, – нет, я не раскаивался. Но Лидии об этом знать необязательно. – Прошу простить меня. Избалован с детства. Это результат воспитания моего отца. Тут я полностью его копия.

– Извинения приняты, если вы обещаете в дальнейшем вести себя сдержанно, – она подняла на меня серые глаза и посмотрела внимательно, словно желая проникнуть в мои мысли. Но этого не удавалось еще никому.

Глаза дикой серны, подернутые поволокой. Такие манящие, желанные. Мне хотелось поцеловать их. Но не сейчас, потом.

– Обещаю, – я постарался погасить улыбку.

Придет время, я зацелую эту девушку до полного изнеможения. Она узнает, что такое настоящая страсть. Дикая, поглощающая без остатка, отнимающая все силы.

Она поднесла невесомую чашечку к алым губам, отхлебнула чай.

– Шоколад? – я протянул ей другую вазочку.

– Нет, спасибо.

– Настоящий, бельгийский. Попробуйте, – уговаривал я ее. – Тает во рту, даже мне нравится. Хотя я к сладкому равнодушен.

Лидия снова улыбнулась.

– А я жуткая сладкоежка, – призналась она.

– Так порауйте себя, – встряхнул вазочку. – Тут шоколад на любой вкус. Горький – в черной обертке, молочный – в белой. В золотой – с миндалем.

Девушка выбрала горький. Она не спеша развернула конфету и откусила ее.

– Нравится? – поинтересовался я.

– Очень.

Темный след остался на ее губах. Она облизнула их. Это было безумно эротично, хотя девушка об этом даже не догадывалась. Никогда не думал, что непосредственность и естественность могут так возбуждать.

Невольно вспомнил, как сексуально облизывала бокал с шампанским одна из моих недавних знакомых. Вероника, кажется. Или Виолетта? Неважно. Она делала это профессионально, со знанием дела. Демонстрировала, что многое умеет, какое блаженство может доставить партнеру. Так называемая светская львица с богатым сексуальным опытом. А на самом деле обычная шлюха.

Надо отдать должное, Вероника-Виолетта была очень недурна, порадовала меня ночью. Но не удивила. Все они одинаковы, все умеют одно и то же. Что нового может предложить даже опытная женщина? Как правило – ничего.

Тихонько звякнула чашка. Лидия поставила ее на блюдце и поднялась.

- Спасибо за чай. Мне пора.
- Не за что, – я тоже поднялся. – Отвезу вас в клинику.
- Нет, благодарю. Меня ждет машина. И вы хотели навестить отца, – улыбнулась она.
- Прежде всего я хотел извиниться перед вами. А отец никуда не денется. Ему еще неделю сидеть дома.

- Восемь дней, – уточнила Лидия.
- И все это время вы будете приходить к нему?
- Да.

– Значит, мы еще с вами увидимся. Я редко бывал в доме отца. Но обстоятельства сложились так, что у нас возникли общие дела и нам надо решить их. Так что теперь я буду тут практически каждый день.

Лидия кинула на меня короткий взгляд. В нем сквозило удивление, интерес и смятение. Или мне только показалось, что она смущена?

- Вы чем-то удивлены? – я придержал дверь, пропуская ее в коридор.
- Вы редко видите с отцом?
- Да, мы чужие люди. А у вас не так? Завидую.
- Мои родители погибли, – девушка печально вздохнула. – И у нас все было не так. Мы были дружной семьей.

- Сочувствую. Не хотел вызвать у вас грустные воспоминания.
- Ничего страшного, вы же не знали...

Мы подошли к лифту.

Привратник нажал кнопку. Лифт прибыл слишком быстро. Прошлый раз я дал верному папиному слуге денег, чтобы он придержал его внизу и сам не путался под ногами. А теперь дворецкий торчал рядом с нами как манекен.

- Всего доброго, – Лидия махнула мне рукой и вошла в лифт.
- До завтра, – ответил я.

Она удивленно посмотрела на меня, но двери закрылись. Хотела ли она о чем-то спросить? Очевидно еще не осознала, что мы будем видеться каждый день.

Пошел к отцу. Алиса снова валялась рядом с ним. Сегодня она была в шелковой пижаме, застегнутой под самое горло. Моей метки на ее плече не было видно. Мудрая женщина всегда сможет обмануть мужа.

Отец гладил крутые бедра жены и смотрел по телевизору новости.

- Здравствуй, папа, здравствуй, мамочка, – я подошел к постели и поцеловал Алисе руку.
- Прекрати валять дурака, – цыкнул отец. – Ходишь сюда как на работу.

– Ты забыл, что это и мой дом, – напомнил ему. – Когда ты покупал скромную квартиру на тридцать шестом этаже, ты еще был депутатом. Изображал бесребренника. И тебе пришлось оформить половину на меня.

- Что, хочешь потребовать свою долю? – папа взглянул исподлобья.
- Нет, зачем? На это я претендовать не собираюсь. Больше того, я подарю тебе свою часть.

Отец недоуменно посмотрел на меня.

– Я не шучу. Зачем мне доля в твоей квартире? Я не нищий. Но пока поживу в гостевой комнате. Нам надо многое обсудить. Я не отдам и не продам тебе акции завода, но мы можем объединить усилия и увеличить прибыль. Экономисты готовят расчеты, а пока я принес тебе предварительные данные. Почему бы нам не рассмотреть такой вариант ведения бизнеса? Нам есть о чем поговорить в ближайшие дни.

- Я тебя насквозь вижу, и даже глубже. Зацепила медичка? Из-за нее ты все это затеял.
- А хоть бы и так? – я сел на стул у постели. – Могу я позволить себе расслабиться?

Почему не совместить полезное с приятным?

- Кобель, – вздохнул отец.

– Кто бы говорил, – парировал в ответ. – Но давай обсудим бизнес. О сексе, конечно, говорить интереснее, но дело превыше всего. Без денег у тебя и секса не будет, – я протянул отцу папку с документами.

– Ты редкий нахал, – отец раскрыл папку и начал изучать бумаги. – Но деловая хватка у тебя есть.

Отца заинтересовали мои идеи. Он заметно оживился и уже забыл, что только что назвал меня кобелем и нахалом.

Мы начали обсуждать мою идею. Алиса еще немного посидела рядом с мужем. Чисто из приличия. Через несколько минут она соскользнула с постели.

– У меня тренировка, – поцеловала отца в губы долгим поцелуем. Ну точно, как пиявка присосалась.

Отец отстранился, тыльной рукой вытер губы. Он был недоволен тем, что Алиса уходит.

– Какая тренировка? – мрачно посмотрел на нее отец.

– Теннис.

– Когда вернешься?

– Через два часа, как всегда, – Алиса растянула рот в широченную улыбку и стала похожа на Буратино из старого мультфильма. Нет, с губами она точно переборщила.

– Тренируйся, но не забывайся, – предупредил отец жену. – Узнаю, что гуляешь – выгоню с треском. Ни копейки не получишь. И дочерей отберу.

– Паша, ну что ты говоришь? – вскинула черные брови Алиса. – Я люблю только тебя. Для меня наша семья – главное в жизни.

Алиса постоянно говорит о любви. О, боги, неужели отец в это верит? Какая любовь? Она ему в дочери годиться, если не во внучки! Терпит – в это еще можно поверить. Но любит? Уж точно нет. И я даже подозреваю, что сейчас она хранит моему папе верность. Ради большого куша Алиса может заставить себе некоторое время вести пуританскую жизнь.

Вот только интересно, что произойдет раньше – отец отойдет в мир иной, или Алиса не выдержит и изменит ему? Она не слишком умна, но жадна до неприличия. На кону слишком большие деньги.

Искренне ей сочувствую. Как же это тяжело! Быть такой молодой и хранить верность старику, мечтая только о том, чтобы он поскорее умер. Безусловно, я циник. Но таким меня сделала жизнь. И папа.

Вернулся в офис, занялся делами. Вечером пришел Артем. Указал ему на стул.

– Садись, докладывай, – я откинулся в кресле и приготовился слушать.

– Лидия Константиновна Спирина, возраст – тридцать лет, – он открыл блокнот и сверился с записями, – День рождения 10 ноября. Образование – медицинское, училась у нас, красный диплом. Работает после института в клинике «Авиценна». Хороший специалист.

– Была бы плохой, отец бы ее к себе не затребовал, – заметил я. – Что еще?

– Родители погибли три года назад. Автокатастрофа, лопнула шина на крутом повороте. Были врачами. Отец – Спирин Константин Иванович, профессор-кардиолог, уважаемый в своей среде специалист. Мать Спирина Ирина Яковлевна, до замужества Тишина, детский врач. Из близкой родни – бабушка по линии отца. Вышла второй раз замуж двадцать три года назад, живет в Бремене, гражданка Евросоюза. С внучкой практически не общается.

– Дальше, – кивнул я.

– Спирина не слишком общительная, подруг немного. До Кудрявцева встречалась с однокурсником, потом с коллегой. Рассталась и с тем и с другим мирно. Больше связей не отследил. Замужем не была. По Спириной пока все. Вот адрес, телефоны – домашний, мобильный, адрес клиники, мобильный ее непосредственного начальника, – Артем вырвал из блокнота листок, протянул мне. – В июле собирается замуж за Яна Кудрявцева. Дату уточню позже.

– Отличная работа, – я мельком заглянул в записи. – Что из себя представляет Кудрявцев?

- А вот по Кудрявцеву все очень странно, – Артем перелистнул странички в блокноте.
- Выкладывай, что нарыл, – я бросил листок с адресом Лидии в ящик стола.
- Кудрявцев Ян Петрович, тридцать шесть лет, работает главным редактором в журнале «Лицо города».
- Знаю. Глянцевая помойка о нашей светской жизни.
- Кроме того внештатный корреспондент московского журнала, – продолжил Артем. – Пишет о людях искусства. Работает с современным направлением. Художники, артисты, поэты и прочий сброд. Делает блестящую карьеру. Честолюбив, нравится быть в центре внимания, у окружающих производит впечатление успешного и состоявшегося человека.
- Только впечатление? Или он на самом деле может чего-то достичь?
- Выясню в ближайшее время, – кивнул Артем и продолжил. – Отец – завкафедрой истории в Университете, мать – домохозяйка. Подробности про них надо?
- Нет, – махнул я рукой. – Так что не так с Яном Кудрявцевым?
- Он – слишком темная лошадка. Информации о нем мало, практически нет. Удивительно для человека, который строит карьеру журналиста.

Глава 8. Лидия

Вышла от Рудницких на улицу и вздохнула полной грудью. Какое счастье, что все утряслось. С работы уходить не надо, Ян будет доволен.

Солнце слепило глаза, в воздухе с пронзительным писком носилась стая стрижей. Жизнь прекрасна!

До клиники ехать четверть часа. Хотелось пройтись пешком, тут не слишком далеко, но у меня жесткий график. Отдел кадров зорко следит, чтобы сотрудники не болтались без дела. Все правильно, нам платят за работу.

В течение дня я постоянно мысленно возвращалась к Дмитрию Рудницкому. Странные у него отношения с отцом. Не позавидуешь. Интересно, а где его мать? Хотя какое мне до этого дело?

Непонятный человек Рудницкий-младший. Сначала вел себя нагло, даже вызывающе. А сегодня попросил прощения. И был очень искренен. Похоже, он просто старается сделать все, чтобы вызвать недовольство отца. А тут я подвернулась под руку.

Дмитрий так странно смотрел на меня. Словно жалел. Видимо, сочувствовал тому, что я потеряла родителей. У него удивительный взгляд. То страстный, манящий, развратный. А может быть таким внимательным и... нежным? Так на меня даже Ян никогда не смотрел.

Пока мы пили чай, мне казалось, Дмитрий пытается проникнуть в мои сокровенные мысли. Но при этом в его глазах не было и намека на наглость. Задумчивость и меланхолия – непривычно видеть это в глазах успешного мужчины.

Попыталась отогнать неуместные мысли о Дмитрие. Мне надо о Яне думать, а не об избалованном плейбое. От таких, как Дмитрий лучше держаться подальше. Кто знает, что у него на уме? Возможно, он просто играет со мной как кот с мышью. И его извинения ничего не стоят.

Ян вернулся с работы, как всегда, уставший.

– Ну что? – с порога спросил он. – Как дела со взбалмошным пациентом?

– Не поверишь, все хорошо. Я смогла поставить его на место.

Я прошла на кухню и начала разогревать ужин.

– Рад, что все утряслось. Как видишь, тебе надо было приложить совсем немного усилий для получения положительного результата. Могла бы и сама сообразить, как правильно вести себя. Нам сейчас только проблем с твоей работой не хватало. А где солонка?

Поспешно поставила ее на стол. Ян любит, чтобы все было идеально. Как-то раз я забыла подать соль и перец. Ян страшно обиделся, молча встал и ушел ужинать в ближайшее кафе. Он не разговаривал со мной несколько дней. Это было ужасно. С тех пор я внимательно слежу за порядком на кухне. Когда человек сильно устает на работе, дома его должны ждать комфорт и уют.

– У меня поменялся график работы, – Ян посолил салат. – Лида, ты всегда недосаливаешь.

– Боюсь переборщить, – призналась я.

– Правильно. Как говорила моя бабушка: «Недосол на столе, пересол на спине». Но все же блюдо должно быть приготовлено как надо. Учти на будущее. Жизнь состоит из мелочей. И эти мелочи должны приносить радость, а не раздражать.

– Хорошо, – мне не хотелось, чтобы Ян расстраивался из-за такой ерунды. Он прав. Готовка – обязанность жены, и справляться с ней надо блестяще.

– Увы, наше свадебное путешествие придется перенести на некоторое время. Мальта откладывается, – Ян отхлебнул апельсинового фреша. – Хорошо отжат, тут ты молодец.

– Что случилось? – известие расстроило меня.

Я мечтала о волшебном медовом месяце. Всегда хотела побывать на Мальте. Мы уже все распланировали до мелочей.

– Мое желание руководство не интересует. Поручили работу, я отказаться не могу.

– Да, понимаю, – поникла я. – Жаль конечно, но что делать.

– Мы поедем к моему приятелю Евгению на базу отдыха. Оттуда я смогу при необходимости ездить в город. Мы там были, помнишь? Хорошее место, на берегу реки. Комфортабельные дома, рыбалка, чистый воздух...

И комары... Знаю я эту базу. Фанерные домики, удобства одни на весь лагерь, душ с холодной водой, готовить в общей летней кухне где не протолкнуться или на мангале перед домиком. По мне так лучше вообще никуда не ездить.

Но у Евгения роскошный катер и неподалеку тихая заводь. А за подводную охоту Ян может душу продать. И готов спать на голой земле и терпеть любые неудобства. Он очень гордится своим хобби. Ян умеет ловить рыбу и умеет ее готовить. Но сидеть одной на берегу и кормить летучих кровопивцев мне вовсе не хотелось.

– Тебе не нравится моя идея? – Ян отодвинул тарелку с рагу.

– Я не любитель природы, где много комаров, – осторожно намекнула в ответ.

– В семье должны быть общие интересы. Согласна? Так что привыкай. И с деньгами у нас пока будет туго.

– Почему? – не поняла я.

– Я решил вложить их в развитие своего собственного журнала. Я тебе разве не говорил об этом?

– Нет, – я была удивлена.

– Значит, закрутился и забыл. Короче, я решил попробовать издавать свой журнал. У меня хорошая поддержка, но для раскрутки деньги все равно нужны немалые. Нам придется на некоторое время затянуть пояса.

– Ты уверен, что твоя идея окупится? – я мало смыслю в журналистике вообще, и в издании журналов в частности. Но уверена, что это очень и очень затратное занятие. Сможем ли мы потянуть такие расходы.

– Ты настолько меркантильна? – вскинул брови Ян. – Не замечал за тобой раньше такого. Что значит «окупится»? Издание журнала – это не торговля пирожками в ларьке на привокзальной площади. Или ты сомневаешься в моих способностях вести дела?

– Я просто опасаясь, что ты влезешь в долги. Как понимаю, без ссуды в банке не обойтись?

– Да, нам придется занять крупную сумму. И тут я рассчитываю на тебя.

– Ты хочешь, чтобы и я взяла кредит?

– А как иначе, если мы будем одной семьей? Ты должна поддерживать мои начинания.

– Конечно, но я ни разу не брала даже небольшой кредит. Мне кажется...

– Кажется? – повысил голос Ян. – Что тебе кажется? Что я делаю что-то не так, что я не способен развиваться и расти как профессионал? Мы еще не женаты, а ты уже начинаешь диктовать мне свои условия. На рановато ли? Или ты хорошо разбираешься в журналистике? Может быть, у тебя богатый опыт? – он заводился все больше и больше.

– Ян, не сердись. Я только хотела сказать... – попыталась оправдаться я.

– Да ладно, все и так понятно, – прервал меня он на полуслове. – Я хочу иметь не просто жену, а преданную жену. Которая во всем поддерживает меня, разделяет мои интересы. Мне казалось, ты именно такая девушка. Но сейчас я уже начинаю сомневаться, а нужен ли тебе вообще муж? Способна ли ты оценить его усилия? Ведь я стараюсь ради нас, думаю, как обеспечить наших будущих детей. А о чем думаешь ты? Как и большинство женщин – ни о чем путном. Слово «кредит» вызывает у тебя животный ужас как у первобытного человек молния.

Ну не смыслишь ты ничего в этом, зачем лезть с рассуждениями? Я буду обо всем думать. А твое дело – забота о нашем быте.

Пожалуй, я слишком рано начала паниковать. Может, обойдемся без долгов и кредитов. И зачем я только начала что-то доказывать Яну? Он устал, а тут я спорю с ним. Глупо все получилось.

– Ян, прости, ты прав. Я ничего в этом не понимаю, – я подошла к нему сзади и обняла за плечи. – Я просто хочу, чтобы у нас все было хорошо.

– Все и будет хорошо, если ты будешь мне верить и слушать меня. Просто верь, и все. Остальное предоставь мне.

Если любишь, надо верить. Иначе это не любовь, а иллюзия.

Я верила родителям, и мы жили очень хорошо. Да, мне порой хотелось своевольничать. Но ничего путного из этого не получалось. Чудо, что я не вляпалась в дурную компанию или в какую-нибудь жуткую историю. Контроль родителей порой тяготил меня. Но он и оберегал от неприятностей.

Теперь обо мне будет заботиться Ян. И я должна поддерживать его во всем. Только так можно построить крепкую и счастливую семью.

После ужина Ян предложил погулять по набережной. Теплые майские сумерки спускались на город.

Мы любовались рекой. Несколько яхт неспешно скользили по воде. Одна швартовалась у пирса. Роскошная, белая, с большим парусом, похожим на крыло чайки. Мы подошли ближе.

– Раскручусь и куплю такую, – мечтательно произнес Ян. – Всем на зависть.

– Очень красивая, – кивнула я.

С яхты на берег по траппу спускалась стройная девушка в белом брючном костюме. На шее небрежно повязан воздушный шарф цвета шампанского. Красавица улыбалась как голливудская кинозвезда. Матрос любезно подал ей руку.

Я невольно проследила за девушкой взглядом. Настоящая леди! Как держится! Как одета! Безукоризненный вкус!

Девушка села в припаркованный рядом спортивный автомобиль и через мгновение умчалась вдаль. Словно ее и не было.

– Лидия Константиновна! – окликнул меня знакомый баритон. – Добрый вечер!

Я оглянулась. С яхты махал рукой Дмитрий. Обнаженный по пояс, загорелый, мускулистый.

– Добрый вечер, – я махнула ему в ответ.

– Наслаждаетесь дивной погодой?

– Да, – я потянула Яна прочь.

– Завтра увидимся.

Сделала вид, что не услышала. Зачем мне завтра видится с Дмитрием? Мне вполне хватает общения с его отцом.

– Кто это? – в голосе Яна я уловила ревность, смешанную с недовольством.

– Сын Рудницкого, моего пациента, к которому я хожу на дом.

– Самовлюбленный сноб, – буркнул Ян. – Ненавижу таких. Все получают на блюдечке.

Хорошо иметь папашу олигарха.

– Но у тебя отец тоже не последний человек, – заметила я.

– Додумалась, сравнила! – презрительно поджал губы Ян. – Профессор, всего достигший своим умом, и вор-олигарх. Хоть иногда проявляй такт. Ты бабу этого мажора видела? Ее шмотки стоят как моя квартира. Зажрались, гады. Меры не знают. Расстреливать таких надо без суда и следствия.

– Ян, чего ты завелся? – удивилась я. – Ты же сам про них пишешь статьи. Восхищаешься, хвалишь.

– Ты что, меня упрекаешь? Можешь предложить другое занятие? Жить на что-то надо. Мне деньги с неба не упадут. Никогда не говори больше подобных вещей. Это оскорбительно. Думаешь, мне приятно писать об этих свиньях?

Я благоразумно промолчала. Спорить с Яном сейчас не стоит – поспоримся. Но меня все больше и больше удивлял его взгляд на жизнь. Он же сам далеко не нищий. Так чего ныть? Возможно, просто устал. Раньше он так не вел себя.

Где-то глубоко в подсознании шевельнулась мысль: «А может, он решил, что раз я его невеста, так незачем скрывать свое истинное лицо? Я ведь никуда от него не денусь.» Что-то злое стало проскальзывать в последнее время в его словах. Не стоит ли присмотреться к Яну получше пока я не вышла за него замуж?

Отогнала странную мысль. Нет, глупости. Ян добрый, честный, внимательный. Мы любим друг друга и вместе сможем преодолеть все невзгоды – и большие, и маленькие.

Глава 9. Лидия

Рудницкий-старший больше не позволял себе ничего лишнего. Я для него стала просто прислугой, и это радовало.

Поставила систему, посидела рядом с пациентом. Павел Игоревич задал несколько вопросов о побочном действии лекарств. Насколько это вредно, возможна ли аллергия? Рассказала, успокоила. Не будет от витаминов побочных эффектов. Не в его случае. И аллергии не будет.

– Надеюсь, это правда, – бывший депутат поудобнее устроился на постели и закрыл глаза. – Не люблю, когда мне врут.

До окончания процедуры оставалось минут пять, когда в комнату без стука вошел Дмитрий.

– Рад видеть вас, – очаровательно улыбнулся он. – У вас есть это симпатичная штучка, что врачи вешают на шею и потом слушают ею пациента? Дышите-не дышите, покашляйте и прочее?

– Стетоскоп? Есть конечно.

– Отлично. Когда закончите с моим отцом, послушайте меня.

– Она обслуживает меня, – Рудницкий-старший открыл глаза. – Не мешай делать процедуры.

– Я тоже могу стать вашим пациентом, – заметил Дмитрий. – У меня что-то давит сердце.

– По бабам надо меньше шляться, – пробубнил его отец.

– Так возраст позволяет, – парировал Дмитрий.

– Заплати, и она вся твоя, – небрежно кивнул в мою сторону Павел Игоревич.

Опять началось! Я резко поднялась.

– Чего вскочили? – расхохотался Рудницкий-старший. – Пусть заплатит за услуги врача и можете его слушать и осматривать. И пусть заплатит через кассу, все как положено. А вы о чем подумали?

Я почувствовала, как предательски краснеют мои щеки и шея.

Дмитрий тоже расплылся в улыбке.

– Да ладно, отец. Один раз можно и без кассы. А то вдруг у меня инфаркт? Так послушаете или позволите умереть в расцвете лет? – обратился он ко мне. – Тогда моя смерть будет на вашей совести.

Он шутил, а я не знала, как вести себя.

– Да послушайте вы его, разрешаю, – милостиво махнул рукой Павел Игоревич.

– Хорошо, как закончится процедура схожу за стетоскопом.

– Не в моей спальне, – заметил пациент. – У него есть своя комната.

Идти туда я не собиралась. И Дмитрий это понял. Он снова улыбнулся мне.

– Гостиная подойдет?

– Да, – я выдернула иглу, смазала ранку на руке Павла Игоревича спиртом.

Слушать Дмитрия мне совсем не хотелось. Но подобных пациентов надо ублажать.

Сходила за стетоскопом. Дмитрий сидел на диване у окна и медленно расстегивал рубашку. Его длинные аристократические пальцы касались пуговиц безумно эротично. Это напомнило мне мужской стриптиз. Я поспешно отвела взгляд.

Дмитрий поднялся с дивана и сбросил рубашку.

– Давно болит сердце? – спросила я.

– Три дня. Давит и сильные перебои.

Я прижала серебристую мембрану стетоскопа к его груди. Рельефные мышцы как камень, атлетическая фигура, широкие плечи, сильные руки. Почему я думаю об этом, почему волнуясь, прикасаясь к прохладной загорелой коже? Он всего лишь пациент.

Сердце Дмитрия билось гулко, неровно. Но шумов я не услышала.

– Повернитесь спиной, – попросила его.

Спину пересекало несколько шрамов. Они давно зарубцевались. Никогда прежде не видела таких. Словно рубанули чем-то узким. Не саблей же? Провела рукой по одному из них.

– Не беспокоят? Можно убрать. Будет почти не заметно.

От чего они образовались? Спортивная травма? Или результат автокатастрофы? Нет, не похоже.

– Не стоит. Мой дорогой папа много лет назад оставил эти метки. Я храню их на память о его трепетной любви ко мне. Это следы от каминной кочерги.

Невольно вздрогнула. От кочерги? Это страшно. И очень больно. Безумно больно. За что отец так поступил со своим сыном? Что такого ужасного мог совершить Дмитрий?

– Вы испуганы? У вас вздрогнули пальцы. Я почувствовал это.

– Немного, – призналась я. – Жестокость всегда пугает.

– Отец до сих пор уверен, что был прав.

Я снова взялась за стетоскоп. Теперь сердце Дмитрия стучало как бешеное.

– Можете одеваться. Простите, мне не следовало говорить об этом.

– Ну почему же, – Дмитрий накинул на себя рубашку. Он смотрел задумчиво и отрешенно. – Мне было четырнадцать. Отец поднял руку на маму. Я пытался ее защитить. И у меня получилось, – он словно очнулся и улыбнулся мне. – С тех пор отец ни ее, ни меня не трогал.

– Очень смелый поступок для подростка.

– Мама тоже так сказала.

Как можно после подобного продолжать общаться с отцом? Мне не понять.

Конечно, Дмитрий ненавидит отца. Не удивительно, что он так дерзко ведет себя с Павлом Игоревичем.

– Я не услышала ничего патологического, – повесила стетоскоп на шею. – Да, перебои есть. Но не думаю, что это опасно. Однако я не кардиолог. Вам лучше обратиться за консультацией к узкому специалисту.

– Вы же отлично понимаете, отчего эти перебои, – усмехнулся Дмитрий. Он подошел ко мне и коснулся стетоскопа. – Каюсь – мне немного захотелось повалять дурака. Вы меня волнуете, и я ничего не могу с этим поделать. Ну что, продолжим традицию, выпьем чаю?

– Нет, – категорично отказалась я. Нет никакой традиции. И не будет, может даже не мечтать. – Мне надо в клинику.

Дура, беспросветная дура! Могла бы и сама догадаться, что он просто играет со мной. Нельзя быть до такой степени наивной.

– Обиделись?

– Нет, – я прошла мимо него. – Но к кардиологу все-таки ходите.

– Волнуетесь за меня?

Ничего не ответила, вышла и плотно закрыла за собой дверь.

Дмитрий – редкий нахал. Но про отца он точно не врал. Столько боли было в его взгляде! Жестокий человек Павел Игоревич. Это видно сразу. Жестокий и страшный. Так зверски избить сына-подростка! Он же мог просто убить его!

Странные отношения в этой семье. Любви тут точно нет. Отец и сын с трудом терпят друг друга. Молодая жена вряд ли любит мужа-старика. Зависит от него, наверняка пользуется его деньгами. И скорее всего ждет, когда овдовеет.

В семье трое маленьких дочерей, но я ни разу их не видела. Даже не слышала детского смеха. Хотя, чего удивляться, квартира огромная. Видимо, сидят с няньками, как и положено у состоятельных родителей. Может, хоть они искренне любят маму и папу?

Нет, такого богатства мне даром не надо. Ненависть витает в этом доме. Нет тут уюта, несмотря на роскошь, нет тепла.

Ехала в клинику и продолжала думать о Дмитриии. Странный человек. Есть в нем что-то благородное. Защитил мать, не побоялся. Но сколько в нем порочного, низменного, пугающего. Как он нагло обнимал меня в лифте. И ему было совершенно безразлично, что мне это неприятно...

А мне было неприятно? Не вру ли я сама себе?

Дмитрий смотрит на меня так, как не смотрел ни один мужчина. Даже Ян. В его глазах я вижу порок и страсть, неприкрытое любопытство и... жалость? С чего бы ему меня жалеть?

Слишком много думаю об этом плейбое. Мои мысли снова и снова возвращаются к нему. Меня словно тянет магнитом. Надо немедленно положить этому конец.

Я глубоко вздохнула. Все, забыла и больше не вспоминаю. Это неправильно, у меня есть Ян, а я думаю о другом мужчине.

Звякнула СМСка. Номер незнакомый. Не читаю СМСки от посторонних людей. Но эту почему-то открыла.

«Не хотел обидеть, правда».

Ничего не ответила. Я знала, от кого она, поэтому и прочитала. И даже догадывалась, что в ней.

Сохранила номер – «Рудницкий Дмитрий». Зачем? Хотела удалить, но не стала. Я же не буду звонить ему. Но мало ли... Вдруг понадобится...

Интересно, откуда он взял мой номер? Наверное, в клинике дали его отцу. Чтобы при необходимости меня вызвать.

От неожиданного звонка я вздрогнул, как от удара. На этот раз звонил Ян.

– Вечером едем к моим родителям, – ошаршил он меня. – Нас ждут в семь.

Вот уж куда я совсем не хотела ехать сегодня. Но надо привыкать к общению с ними. И налаживать отношения.

– Да, хорошо.

– В обед купи торт к чаю и миндальные сухарики. Мама их очень любит. Я за тобой заеду.

* * *

Ксения Владимировна сегодня отнеслась ко мне более благосклонно. Она похвалила торт, сказала мне пару комплиментов и поблагодарила за сухарики. Петр Федорович был, как всегда, немногословен.

Сидели на открытой террасе, пили чай, говорили о предстоящей свадьбе. Мама Яна давала советы, я со всем соглашалась. Меня устроит все, что она предложит. Лишь бы все были довольны.

Сегодняшняя встреча прошла просто замечательно. Ксения Валерьевна почти не говорила колкостей. Я их пропускала мимо ушей и старалась не обращать на такую ерунду внимания. Ян остался доволен проведенным вечером.

Начался теплый дождь, он согнал нас с веранды.

– Нам пора, – Ян поцеловал маму в щеку.

Дождь потоками стекал с лобового стекла. Тихая музыка заполняла салон автомобиля.

– Видишь, когда ты следишь за собой, то и проблем нет. Мама довольна, отец тоже.

Я едва не огрызнулась, но вовремя остановилась. Зачем раздувать конфликт на ровном месте?

Поздно вечером в дверь позвонили.

Курьер принес огромный букет алых роз и большую коробку бельгийского шоколада. Именно таким меня угощал Дмитрий.

– От кого это? – удивился Ян, расписываясь в квитанции.

– Как написано, от благодарного пациента, – заглянул в записи курьер.

– Интересно, откуда он знает твой адрес? – подозрительно сощурился в мою сторону Ян.
– Заказ был на клинику «Авиценна». Но меня перенаправили сюда. Сказали, им не положено хранить подобные подарки, – курьер ждал чаевых. Но зря.

– Спасибо, – Ян захлопнул дверь. – Что за пациент? – резко повернулся он ко мне.

– Не знаю, – соврала я. – Записка не приложена.

Конечно, от Дмитрия. Кто еще может до такого додуматься?

По-хорошему, надо вернуть букет. Но Ян может закатить скандал. А мне сейчас этого совсем не хочется.

– Поставь чайник, я буду работать, – Ян прошел в комнату и включил ноутбук. – Мне сегодня без сахара, но покрепче.

Заварила чай и принесла ему бокал. Ян распаковал металлическую коробку.

– Отличные конфеты, присоединяйся, – кивнул мне на стул. – А что себе чаю не налила? – проявил он заботу обо мне.

– Пока не хочу. Хорошо посидели у твоих родителей, я сыта.

– Да, вечер прошел отлично, – он уткнулся в экран. – Работу прислали, надо до утра подправить.

Я вернулась на кухню, поставила в вазу букет. Розы пахли сладостью и пороком. На алых бархатных лепестках дрожали капельки дождя. Он все еще шумел за окном.

Звякнула СМСка. Покосилась на открытую дверь в комнату. Ян ничего не услышал, он был поглощен работой.

«Простите». Снова не ответила. Думаю, Дмитрий и не ждал ответа.

Глава 10. Дмитрий

Жалость – самое мерзкое чувство на свете, оно унижает, делает человека беспомощным, мелким, никчемным созданием. Я позволял жалеть себя в детстве только маме. Впрочем, больше этого делать было некому. Отцу подобные чувства не знакомы, друзья мне всегда завидовали, тут не до жалости. Да и были ли они мне друзьями? Так, приятели, не более. У таких, как я друзей быть не может.

Сегодня меня пожалела Лидия – странная девушка. Она словно появилась из прошлых веков. Удивительная, непохожая на других, с изумительным взглядом бездонных серых глаз дикой серны. Сколько в них было сострадания ко мне. И меня это не разозлило, не вызвало досады. Этого я от себя не ожидал. Почему я позволяю Лидии сочувствовать мне? Кто она такая, что смеет жалеть меня?

Я почувствовал, как вздрогнули ее тонкие пальчики, когда она провела ими по шраму на моей спине. Похоже, она раньше не сталкивалась с жестокостью.

От ее прикосновений сердце так сладко замерло и зануло. Никогда и ничего подобного я не испытывал. Почему это волнует меня, почему я не могу выкинуть Лидию из головы?

Ведь она ничего из себя не представляет. Обычная серость, ни лоска, ни роскошной внешности. Симпатичная, не более того. Но есть в ней нечто, что влечет, волнует, возбуждает. И тревожит.

Знал, что Лидия разозлится на меня. Мне нравится поддразнивать ее. Послал цветы и конфеты. Она их не вернула. Но на СМС не ответила. Впрочем, было бы странно, если бы она так просто извинила меня. Это же девушка из другого мира. А может, рядом был ее жених?

Кстати, надо побольше узнать об этом счастливице. Понимает ли он, как ему повезло с Лидией? Вряд ли. Судя по тому, что мне сообщил Артем, это вполне заурядная личность с пустыми амбициями и огромным самомнением.

* * *

Артем приехал в мой загородный дом в воскресенье. Я велел поторопиться со сбором материала на Яна Кудрявцева.

Мы прошли в кабинет, сели в кресла у камина. Я плеснул себе в бокал виски, протянул Артему гаванскую сигару. Раз за рулем, то пусть порадует себя хотя бы хорошим куревом.

Он благодарно кивнул, срезал кончик сигары и закурил. Терпкий запах дорогого табака щекотал ноздри. Кольца сизого дыма повисли в воздухе.

– Хочешь чай, или может, кофе?

– Нет, спасибо, – Артем открыл блокнот, с которым никогда не расстается, полистал его.

– Ну, что у тебя? – мне натерпелось узнать, что нарыл Артем.

– Кудрявцев на самом деле успешный человек. Его дела идут в гору. Ему прочат блестящее будущее. Родители поддерживают и толкают наверх всеми силами.

– Рад за него. А что не так?

– Психопат Кудрявцев, судя по всему, – сообщил Артем.

– Психопат? – удивился я.

– Может, и не в прямом смысле. Но скотина, похоже, редкая.

Интересно, а что Лидия думает о своем женихе?

– Я пока смог узнать только о двух девушках, с которыми Кудрявцев встречался довольно долго, – продолжил Артем. – Случайные связи можно не считать. Первая девушка – Алена Иконникова. Она вышла замуж, живет в Канаде. С ней связаться не удалось. Но знакомые

рассказали, что Алена встречалась с Кудрявцевым два года. Сначала все было замечательно, они даже собирались пожениться. В итоге расстались со скандалом. Кудрявцев замучил ее ревностью. Девушка росла без отца, мать вышла замуж за год до ее знакомства с Яном и уехала в Самару. С дочерью практически не общалась. Близких родственников у Алены в городе нет.

В этом она похожа на Лидию. У Лидии тоже нет родных.

– У ее подруг сложилось впечатление – Алена уехала в Канаду чтобы быть подальше от Кудрявцева.

– Понятно. Что по второй девушке?

– Вторая – Екатерина Гусева. Сейчас замужем, двое детей. По словам подруг, с Кудрявцевым порвала резко. Ян напугал ее. Я добыл ее номер, позвонил. Гусева о Яне говорить сначала не хотела. Встретить отказалась категорически.

– Как ты объяснил ей свой интерес к Кудрявцеву?

– Сказал, что собираю информацию по заданию нового работодателя Кудрявцева. Престижная высокооплачиваемая работа в столице. Надо знать все о сотруднике, прежде чем принять на работу.

– Правильно.

– Я свое дело знаю, – обиделся Артем.

– Продолжай, – поставил пустой стакан на столик. Виски надо наслаждаться, смаковать, а не пить литрами, как это делают многие.

– Все-таки смог разговорить Гусеву. Она призналась, что Кудрявцев контролировал ее во всем. Бешено ревновал. В итоге избил. Не сильно, но синяки на лице были. В полицию она не обращалась, побоялась Кудрявцева. У него неплохие связи в городе. Кудрявцев ее долго преследовал, пытался вернуть, умолял, запугивал. Она пряталась по подругам. Это было почти три года назад. Девушка – тоже сирота, родни нет.

– Кудрявцев выбирает себе подруг без родителей, – заметил я.

– Это истораживает, – Артем выпустил кольцо дыма в воздух. – Очень похоже на поведение психопата. Патологически любит контролировать ситуацию. И делать это с сиротой намного проще.

– Со знакомыми Кудрявцева пообщаться не удалось?

– Удалось. Очень осторожно и деликатно. Мои ребята это умеют. Коллеги и знакомые охарактеризовали его как редкого зануду и педанта. Очень честолюбив, строит успешную карьеру подставляя других. Большинство его не любят, но уважают как специалиста и побаиваются. Дружит только с нужными людьми. Остальные для него – пустое место. Начальство ценит за исполнительность и редкую трудоспособность.

Именно такие достигают в жизни многого.

– Все?

– Не совсем, – Артем проследил за полетом кольца и полистал блокнот. – Кудрявцев одно время пользовали услугами девушек из элитного эскорт-агентства «Эсперанца». Но полтора года назад он стал там персоной нон грата. Внесен в черный список. Девочки в агентстве умеют держать язык за зубами. Но одна все же по старой дружбе поговорила со мной.

– Ты клиент «Эсперанцы»? – искренне удивился я. – Не знал, что можешь себе позволить подобную роскошь.

– Не могу, – Артем скривился в улыбке. – У меня таких денег нет. Одно время подстраховывал девочек, сопровождал на вызовы.

– Так что рассказала тебе подружка?

– Клементину удивить трудно. Она практикует садо-мазо. Очень востребованная девочка. Опытная, уверенная в себе, смелая. Но Кудрявцев ее испугал до полусмерти. В какой-то миг он потерял над собой контроль. Начал душить Клементину по-настоящему. Как бы не была хорошо подготовлена девушка физически, противостоять мужчине сложно, особенно

если она связана. Кудрявцев сильно избил ее, она обратилась в полицию. В итоге все решили миром – Кудрявцев заплатил немалые деньги, а девушка забрала заявление. Но в «Эсперанцу» вход ему заказан раз и навсегда.

– Что-то еще есть?

– Возможно, Кудрявцев ходит по шлюхам до сих пор.

– Не удивлюсь, если это так. Где-то он должен давать выход своим низменным инстинктам, – бедная Лидия! Если бы она только знала, с каким уродом собирается связать свою жизнь!

– Поспрашивать по другим агентствам? – услужливо поинтересовался Артем.

– Пока не надо, этого вполне достаточно для общей картины. Благодарю за работу.

Я повозился с айфоном и у Артема звякнул мобильник. Он посмотрел сообщение:

– Это вам спасибо, Дмитрий Павлович.

– У меня будет для тебя еще одно задание.

– Всегда рад поработать.

– Выясни дату свадьбы Кудрявцева и Спириной. И узнай, когда буде мальчишник. А я не сомневаюсь, что он будет. Кудрявцев слишком любит производить впечатление на окружающих.

Артем ушел, а я налил себе еще виски.

Похоже, я понял, чем привлекла меня Лидия. И что редко можно увидеть у других девушек. У Лидии вид жертвы. Женщины, подобные ей сами не знают об этом, но на них словно стоит клеймо.

Есть в облики Лидии что-то неуловимое, что притягивает таких психов как ее дорогой Ян. И таких, как я. В ее взгляде сквозит покорность и обреченность. Жертвенность, если угодно.

Такой всегда была моя мама. Она долго не могла понять и принять, что отец вьет из нее веревки. Даже когда он едва не убил ее и меня, мама продолжала жить с ним. И выполнять все его дурные прихоти. Сколько лет мне понадобилось, чтобы убедить маму уйти от отца!

Не позавидую бедняжке Лидии, если она выйдет замуж за этого психа. А она выйдет. И будет терпеть его, жалеть, ублажать. И вообще делать все, что он пожелает. Она будет любить его. Искренне, до самозабвения. Ведь она – вечная жертва.

Попробую раскрыть Лидии глаза на Яна, иначе у девушки будет не семейная жизнь, а настоящий ад. Вот только захочет ли она слушать меня? Думаю, что нет.

Она слепо верит Яну. Как моя мама когда-то верила отцу. Ничего хорошего из этого не получилось.

Мне показалось, я снова ощутил прикосновение ее руки на шраме. Легкое, трепетное, почти невесомое. Нежное, бережное. Она касалась кожи как ангел крылом. Лидия и сама похожа на ангела, потерявшегося в жестоком мире.

А может, Лидия все-таки знает, что представляет собой ее жених? И тешит себя надеждой изменить его? Зачем ей это?

Кто знает, кто знает... Чужая душа потемки. Да и моя тоже...

Глава 11. Лидия

В воскресенье Рудницкий-старший был благодушен и вел себя почти как джентльмен. Даже предложил мне пообедать на кухне. Я, естественно, отказалась. Но с его стороны это было верхом благородства.

– Вы что, совсем без выходных работаете? – Павел Игоревич листал каталог с какими-то спортивными автомобилями.

– У меня скользкий график, – выходные бывают, но не так часто, как мне бы того хотелось. Зато за сверхурочные часы хорошо платят. А к свадьбе не помешает подкопить денег.

Дмитрий сегодня в доме отца не появился. Мне следовало бы вздохнуть с облегчением. Но я почему-то ждала, что он войдет в комнату, или встретит меня в коридоре. Попросит прощение за вчерашнюю выходку с букетом. Строго скажу ему, что подобные подарки неприемлемы. У меня скоро свадьба, и я не хочу ничем огорчать жениха.

Но Дмитрий не пришел.

После Рудницкого поехала в ателье на примерку свадебного платья. Сегодня его окончательно подгонят под фигуру.

Смотрела на себя в зеркало и не могла отвести глаз. Красивый резной вырез с вышивкой жемчугом по краям, элегантная драпировка подчеркивает талию. Витой гипюр на пышной шелковой юбке смотрелся великолепно.

Невесомая фата белым облаком окутывала меня. Венок из нежных цветов, длинные перчатки за локоть.

Надеюсь, Яну понравится. Он подробно описал, что бы хотел видеть на мне в день нашей свадьбы.

Примерка заняла много времени. Портниха придирчиво осматривала свою работу, что-то распарывала, что-то наматывала.

В ателье я устала больше, чем на работе. Тяжело стоять неподвижно. Зато результат получился потрясающий. Платье мне очень нравилось. Я чувствовала себя настоящей принцессой.

За приятными хлопотами почти забыла о Дмитриии.

Вечером, сидя за ужином смотрела на букет алых роз в хрустальной вазе. Цветы были свежи, словно их только что срезали. Интересно, что сейчас делает Дмитрий?

Наверное, катается на роскошной яхте с красавицей, которую я видела несколько дней назад. Почему он до сих пор не женат? Его отец женился трижды. А Дмитрий ни разу. Эти сведения я почерпнула из интернета. Зачем-то решила узнать о жизни семьи Рудницких побольше.

Дмитрий завидный жених. Молод, богат, сексуален. На фотографиях он всегда с разными девушками. Одна лучше другой. Красивы, ухожены. Настоящие светские львицы.

Но такие, как он не спешат свить гнездо. Свобода для него главное.

– Слушай, а не слишком ли много подруг ты панируешь пригласить на свадьбу? – голос Яна вывел меня из задумчивости.

Я вздрогнула от неожиданности и не сразу нашлась, что ответить.

– Почему много? – не поняла я. – Всего семеро.

– У нас практически семейный праздник. Ресторан дорогой. Я их не знаю. Нужны ли они на нашем торжестве?

– Мы давно дружим.

– Давай сократим хотя бы до трех. Три более чем достаточно.

– Это будет как-то странно, у нас сложившаяся компания, – я пока никого не приглашала официально, но подруги знали о моем предстоящем замужестве. – Родных у меня нет, только подруги.

– Но родителей они все равно заменить не могут. Или ты их приглашаешь ради количества? – раздраженно рассмеялся Ян.

– Нет, конечно.

– Можешь пригласить их на девичник и этим ограничиться. Расходы на свадьбу превышают наши возможности.

Ян как всегда прав. Надо ли выкидывать бешеные деньги на свадьбу? Нам есть на что их потратить.

– Можно просто расписаться и посидеть в ресторане с твоими родителями и свидетелями, – заметила я.

– У тебя странное чувство юмора, – нахмурился Ян. – Ты отлично знаешь, что свадьба – важное событие для нас обоих. Я планирую опубликовать небольшой репортаж в журнале. Директор не возражает. Не на первой странице, разумеется. Но все равно это будет неплохой пиар для меня. А ты так неуместно остришь.

– Я не острила. Можно было и платье поскромнее заказать, и вообще деньги сэкономить.

– Ты ничего не смыслишь в финансах вообще и в семейном бюджете в частности, – печально констатировал Ян. – Видимо, и этим придется заниматься мне. Ты не умеешь планировать расходы, не понимаешь, во что надо вкладывать деньги, а на чем следует сэкономить. Наша свадьба должна соответствовать определенному статусу, но при этом быть камерной, как у английских аристократов. Впишутся ли в эту картину твои подружки-простушки? Я приглашаю директора и владельца нашего журнала. Они будут с женами, разумеется. Мои друзья занимают видное положение в городе. А твои старые девы станут строить им глазки.

– У меня три подружки замужем, – заметила я.

– Так ты еще их и с мужьями планируешь пригласить? – вскинул брови Ян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.